Девушка без Бонда

Автор:
Анна и Сергей Литвиновы

Девушка без Бонда

Анна и Сергей Литвиновы

Авантюристка #12

Она не знала о себе ничего: ни откуда она, ни как ее зовут. Голова была совершенно пустой. Ни единой мысли. Ни одного воспоминания. Ее жизнь, кажется, началась час назад на пустынном пляже. Что с ней случилось? Она силилась вспомнить, но не могла, только сильнее начинала болеть голова…

Так кто же она? Почему оказалась совершенно обнаженной на пустынном пляже острова в Эге йском море? В какой водоворот событий угодила? Сумеет ли она вернуть себе память? Будет ли это означать спасение или, напротив, станет смертельно опасным?..

Анна и Сергей Литвиновы

Девушка без Бонда

Часть I

Он смотрел на девушку, прекрасную, как само море.

Мокрые волосы до плеч. Совершенная фигура. Идеальная грудь. Длинные ноги. Влекущий изгиб бедер.

Она походила на Афродиту, только что родившуюся из морской пены.

Абсолютно нагая Афродита двадцать первого века.

На пустынном вечернем пляже, едва освещенном огоньками с далекой набережной, больше никого не было. Ни единая живая душа не видела их.

Димитрис осмотрел девушку всю, с головы до ног. Дыхание его помимо воли участилось. В горячей молодой крови стало разливаться желание. Хотелось взять незнакомку за руку, притянуть ее к себе и…

Но тут его взгляд задержался на глазах девушки. Они были голубыми, бездонными. И – абсолютно пустыми. В них ничего не отражалось.

«Наркоманка, наверное», – с неудовольствием подумал Димитрис. Он не любил наркоманов. Брезговал ими. Даже если наркоша вдруг оказалась бы столь прекрасной, как эта незнакомка.

Но… Он все-таки не смог равнодушно обойти ее и продолжить свою одинокую прогулку по ночному пляжу. Наверное, его удержала ее красота. И нагота. И еще то, что девушка казалась такой несчастной и дрожала от холода.

Димитрис скинул с себя куртку и протянул ее обнаженной незнакомке.

Она покорно взяла одежду и еле слышно, заученно, словно автомат, прошептала по-английски: «Спасибо». Однако затем девушка застыла, с минуту удивленно смотрела на куртку («да у нее точно с головой проблемы!») – но все-таки сообразила, накинула ее на плечи. Кожанка оказалась ей велика, и нагая красотка закуталась в нее.

– Кто ты? – спросил Димитрис по-английски.

Вопрос дошел до девушки – парень понял это по тому, как дрогнули ее зрачки. Но с ответом она медлила, по ее лицу волнами пронеслись сначала

непонимание, затем ужас. Наконец незнакомка тихо проговорила:

– Я… не… знаю…

«Сто процентов: у нее передоз», – решил Димитрис.

Летом сюда, на остров, на яхтах или на паромах, приезжали самые разные туристы. Хватало и выпивох, и гулен, и любителей травки. Однако сейчас осень. И хотя море еще теплое – сезон завершен. Шумные компании англичан и немцев давно разъехались по своим Манчестерам и Дюссельдорфам. В тавернах вечерами скучают по двое-трое тихонь-отдыхающих. Откуда же взялась голая наркоманка?

В любом случае Димитрис не хотел ее отпускать. Девушка выглядела такой несчастной и растерянной! Он спросил, по-прежнему по-английски, тихо, медленно, раздельно:

– Как – тебя – зовут?

И снова на лице прекрасной незнакомки отразились непонимание, а затем бесплодная попытка вспомнить и, наконец, страх. И последовал все тот же растерянный ответ:

– Не знаю…

Хотя девушка говорила с Димитрисом на языке «битлов» и Боно, в ее речи едва уловимо, но чувствовался акцент. И не похожа она была ни на англичанку, ни на американку. Тип лица скорее славянский. Или, может, скандинавский? (Парень в этом не сильно разбирался.) Белокурая, явно некрашеная. Так кто она: болгарка, румынка? Или полька? А может, шведка или норвежка? Кто знает, откуда ее занесло на остров?

Димитрис предпринял новую попытку наладить контакт с красоткой:

– Откуда – ты – приехала? Где ты живешь?

На лице незнакомки опять отразилось мучительное желание вспомнить, а затем – ужас, что у нее ничего не выходит. И вновь прозвучали тихие, стыдливые слова:

– Я… Я не знаю… Прости…

То ли от расспросов и бесплодных попыток вспомнить, то ли от холода девушку стала бить дрожь. «Да она замерзла», – подумал Димитрис. И правда: в воздухе разлита осенняя вечерняя стынь – его вон самого, как он снял с себя куртку, ветер пробирает до костей. Да и море уже намного холодней, чем летом. «Зачем она купаться-то полезла в такую погоду? – удивился про себя Димитрис и решил: – Девчонка точно откуда-то с севера. Только разные норвежцы и шведы способны плескаться в такой холод. Или все-таки она немка? Нет, немки такими красивыми не бывают… А может, русская?»

Тут он вдруг понял, что знает, что делать с девушкой. Взял ее за руку, произнес:

– Пойдем.

И она послушалась. И покорно пошла с ним рядом по ночному пляжу.

* * *

Для того чтобы скрываться, не нужен райский уголок.

Слишком много беглецов спалили себя потому, что выбирали в качестве убежища рекламный рай в духе «баунти». Но те, кто тебя ищет (кем бы они ни были), редко бывают дураками. И в первую очередь обращают внимание на безмятежные тропические острова.

Большой город тоже не очень подходит для того, чтобы исчезнуть, раствориться в нем. Даже в громадном мегаполисе вроде Нью-Йорка есть вероятность однажды случайно столкнуться нос к носу с тем, кто знал тебя в прошлой жизни. Именно так – невзначай встретившись со знакомыми на улице, в вагоне метро или на эскалаторе – засыпались многие беглецы.

Поэтому он выбрал для себя настоящую задницу мира. Совершеннейшую дыру.

Но лучше жить в дыре, чем не жить вовсе.

Здесь дуют постоянные ветра, и проживает всего шестьсот человек, и связь с большим миром – только морем. А единственная дорога из порта ведет в верхний город через ущелье. Паром, как и дорогу, легко контролировать. Достаточно пары знакомых в порту да хороший бинокль… И нет здесь обычной для курортов суеты, нет ни единой достопримечательности. Лишь летом сюда заезжают безумные туристы-экстремалы, как правило, американцы. Останавливаются в нескольких крохотных гостиницах, которые тоже легко проверить…

Да, здесь идеальное место для того, чтобы схорониться навсегда.

Скрыться от правосудия.

Или от кредиторов.

Или от мафии.

Или от тех, других и третьих, вместе взятых.

* * *

Димитрис и девушка рядом прошли по спящим улицам нижнего города – порта. Ни один человек не встретился им на пути. Все магазины закрыты, все жители – те немногие, кто не уехал на зиму на материк, – улеглись спать. Только на самом берегу еще работало несколько таверн, но Димитрис намеренно обошел их далеко стороной.

Девушка шла рядом с ним покорно, словно кукла или автомат. Куртка, которую он ей одолжил, прикрывала ее вплоть до бедер. Длинные, стройные ноги выглядывали из-под одежды. Парень невольно бросил на них взгляд и почувствовал, как желание вновь поднимается в нем.

Он был готов наброситься на девушку прямо сейчас – на дороге, на пустыре. Но Димитрис смирил себя. Так будет неправильно. Воспользоваться ее слабостью и

одурением – не по-божески. Нет, он должен потерпеть, выждать и чуть позже получить все сполна. И по-трезвому, а не с обдолбанной дурочкой. Если, конечно, девушка оценит его и окажется благодарной.

Они начали подниматься в гору. Здесь беспрепятственно гулял ветер. Димитрису стало совсем холодно в одной рубашке. А девушка, кажется, согрелась в его куртке. Она машинально перебирала босыми ногами по не успевшему остыть асфальту. Незнакомка шла чуть впереди, и Димитрис невольно опять смотрел на ее ноги. Теперь не только из-за вожделения. Что-то странное было в том, как они выглядели, но он все никак не мог понять, что именно.

Он не надеялся наладить с девушкой контакт сегодня. Вот она проспится, и, быть может, тогда… Поэтому Димитрис заговорил исключительно для того, чтобы рассеять гнетущее молчание. Просто, чтобы не слышать больше посвиста ветра, сказал снова по-английски:

– Нам туда, в Хору, или верхний город. – И указал рукой на притулившиеся к макушке горы, прямо к скалам, белые домики – в свете луны их было видно даже ночью.

Он почти не надеялся на ее отклик. Ответа и не последовало.

«А почему я, собственно, разговариваю с ней на „инглише“? – вдруг подумал Димитрис. – Потому что она выглядит как туристка и совсем не похожа на гречанку? Но вдруг она знает греческий?»

И он произнес по-гречески:

– Мы идем в Хору. Я там живу, и там живет моя бабушка. Я не причиню тебе вреда.

Девушка обернулась на звук его голоса. По выражению ее лица было ясно, что она не поняла ни слова. Незнакомка, как он и решил сразу, явно не гречанка.

– Что? – переспросила она по-английски.

– Я говорю, мы идем в дом моей бабушки.

Девушка покорно кивнула, не выразив ни удивления, ни страха, и, снова понурив голову, продолжила путь.

Они поднимались все выше и выше, уже стали видны крыши нижнего города и бухточка, в которой стояло на якоре несколько яхт. «Наверно, она упала в воду с одной из них. Перепила, перенюхала или чего другого перебрала? Вот и вывалилась за борт… А может, просто решила поплавать… И завтра утром ее начнут искать оставшиеся на яхте проспавшиеся спутники. А как без спутников? Такая красавица просто не может путешествовать одна… Поэтому времени у меня, чтобы наладить контакт, на самом деле не очень много».

И тут вдруг Димитрис понял, почему его так смущал вид ног незнакомки. Да и не только ног! И ее лица, и всего ее тела. Она была совсем незагорелой. Абсолютно белокожей.

Как можно отдыхать в Греции и совершенно не загореть? Сюда, на остров, она могла добраться только на яхте или на пароме. Солнце даже в сентябре в Элладе жаркое, особенно для таких светлокожих северных созданий, как она. Загорают они (или сгорают) в момент. А девушка что, специально пряталась от дневного светила в трюме яхты или парома? А когда выходила на палубу, надевала длиннополый халат и паранджу?

«Вряд ли она туристка», – подумал Димитрис.

Но кто же она тогда?

* * *

– Ну что? – в голосе телефонного собеседника слышалось нескрываемое нетерпение.

– Пока ничего. Мы передали ориентировку на нее в Каир, Тель-Авив, Афины, Анкару. Даже в Тирану и Рим. Довели фото и приметы до всех сотрудников. Они ищут. Но пока, увы, ничего.

– Никаких следов?

– Ни малейших.

* * *

Дорога пошла круто в гору. Девушка дышала тяжело, но ровно, дыхание ее не сбивалось. Димитрис понял, что она, во-первых, не курит (и это ему понравилось), а во-вторых, хорошо тренирована.

Но наркоманы, они ведь, наоборот, обычно дымят как паровозы. Сигареты для них первая ступенька к анаше, а потом все хуже, хуже… И еще торчки совсем не тренируются. Здоровье у них ни к черту.

Значит, красотка не наркоманка? Но тогда что с ней? И кто она такая, черт возьми?

Наконец они вошли в Хору – на крутые, взбирающиеся меж белых домов улицы-ступеньки. В верхнем городе, практически опустевшем и обезлюдевшем ближе к зиме, завывал ветер. Ни единого окна не светилось. Практически все закрыты ставнями или заколочены. Мало кто здесь остался жить – уехали или насовсем, или хотя бы на зиму.

Димитрис и сам давно бы отправился искать счастье на материк, если б не бабушка. А она наотрез отказывалась покидать дом своих предков.

«Я не брошу наш дом… И нашу фамильную часовню: кто тогда будет за ней ухаживать?» – все время твердила старуха.

«Бог нас с тобой простит, бабушка», – обычно отвечал он.

«Тебя-то, молодого, простит. Сделает скидку на то, что ты глуп, не ведаешь, что творишь… А вот меня господь не помилует… Поэтому ты уезжай. А я здесь останусь».

Но Димитрис не мог бросить бабушку одну. В верхнем городе зимой закрывалась и крохотная таверна, и даже единственный магазинчик. Все продукты ему приходилось таскать пешком в гору. Машины у них не было, и не было даже мопеда.

Бабушка не сможет спускаться вниз, к порту, за провизией, а потом пешком подниматься наверх. Она даже до фамильной часовни с трудом доходит и очень горюет, что после ее смерти церквушка придет в запустение, ведь ни единой родственницы-женщины у них в роду не осталось. Некому будет передать ключи и утварь, разве только чужим людям. «Хоть бы ты, Димитрис, женился», – много раз с тоской и надеждой говаривала бабушка.

И как ей объяснить, что, даже если б захотел, он бы не смог жениться – у него нет постоянной работы и, значит, не имеется средств, чтобы содержать семью. И неужели найдется какая-нибудь девчонка, что согласится похоронить себя в глуши? Слушать завывания ветра и ухаживать за старой часовней?

* * *

Она не знала о себе ничего. Ни откуда она родом, ни как ее зовут, ни кто ее родители. Голова была совершенно пустой. Ни единой мысли. Ни одного воспоминания. Ее жизнь, казалось, началась час назад на пустынном пляже. Что было с нею раньше? Она силилась вспомнить, но ни единого просвета, только сильнее начинала болеть голова.

И еще она была покорна всему. Она не могла ничему сопротивляться. Ни чьей воле.

Этот смуглый парень с очень черными глазами тащил ее куда-то в гору, где в свете луны белели налепленные на скалу домики. Зачем она с ним идет? Что будет дальше?

У нее не было сил: ни для того, чтобы сопротивляться, ни для того, чтобы хотя бы даже задуматься о том, что с нею происходит.

* * *

Они одолели еще несколько десятков ступеней по крутой улочке и очутились в домике, где жил Димитрис. По традиции он напоследок бросил взгляд вниз. Вид, открывающийся с горы, был красивым. Очень. Даже сейчас, когда совсем стемнело, в свете луны вокруг вздымались скалы острова и на полгоризонта серебрилось и чернело огромное море. А далеко-далеко внизу, в бухте, светились палубные огни нескольких яхт да фонарики пары не закрывшихся покуда таверн…

Зрелище захватывало дух. Не случайно всю весну, и лето, и раннюю осень сюда поднимались и поднимались туристы. Бесцеремонно шумели на улицах. Заглядывали в окна домов, заходили, в панамах и бейсболках, в главную церковь и фамильные часовни.

Димитрис ничего не имел против туристов. В конце концов, именно они его кормили. Все больше и больше приезжающих предпочитали не лезть в гору пешком, осматривать красоты острова на своих двоих. Они брали напрокат машину – на день-два. Или хотя бы скутер. А технику им выдавал Димитрис. И чинил ее, когда она ломалась, тоже он… Но ближе к зиме прокатная контора закрывалась, и найти работу на острове становилось очень, очень проблематично…

Парень потянул на себя дверь – дома в Хоре никогда не запирались, даже в туристический сезон. Мотнул головой, приглашая девчонку: иди, мол. Она безропотно шагнула внутрь – и оба окунулись в темноту и духоту маленького помещения с низкими потолками.

Димитрис щелкнул выключателем. Под потолком загорелась тусклая лампочка в абажуре.

Обстановка его дома была спартанской, и Димитрис знал это. Он никогда в жизни не приводил сюда девушек. Не только из-за скудности быта, но и из-за бабушки. Старушка, воспитанница старой школы, считала падшей любую особу, позволяющую себе до брака уединяться с юношей.

Но эту странную все же привел. Просто пожалел ее? Или, может, польстился на легкую добычу?

Он и сам не знал. Наверное, и то, и другое, вместе взятое.

Ему уже случалось заниматься любовью. На пляже или на палубе яхты, как правило, с туристками, обычно сильно подвыпившими – наверно, они забывали его имя прежде, чем их судно снималось с якоря.

Серьезных отношений у Димитриса ни с кем никогда не было. И у него возникла шальная мысль, что, может быть, вдруг… Эта девчонка… Она нравилась ему, ох как нравилась, и она настоящая красавица, ему не доводилось еще видеть таких симпатичных, только разве по телевизору, но он быстро отогнал мысль о том, что с ней у него может что-то сложиться… Во-первых, она странная: наверно, все-таки наркоманка. А может, того хуже – просто ненормальная. Во-вторых, она старше его, и намного. Димитрису летом исполнилось восемнадцать, а девушке, насколько он сумел различить в полусумраке пляжа и дороги, лет двадцать семь. А то и двадцать девять. Да, она прекрасна, но – помимо всяческих других «но» – не слишком ли велика разница в возрасте?

Да и что загадывать! Тем более так далеко. Пока ему надо хотя бы наладить с ней контакт. Разговорить ее.

Незнакомка внимательно разглядывала обстановку домика. И Димитрис попытался увидеть собственное жилище ее глазами. Выходило, по правде сказать, довольно убого. Первая комната, дверь в которую открывалась прямо с улицы, служила одновременно и гостиной, и кухней, и его спальней. В углу – электрическая плитка на две конфорки, рядом порыжевшая раковина и небольшой, изрядно обшарпанный холодильник. Посредине комнаты – круглый стол, подле него – два стула. А у стены, рядком – две застеленные односпальные кровати.

И фотографии на белых стенах: дедушка, родители, другие умершие родственники. И множество православных икон…

За стеной – закуток бабушки. Она хоть и жаловалась на бессонницу, но на деле спала крепко, Димитрис не раз в этом убеждался, возвращаясь из нижнего города за полночь, – ни разу она не проснулась при его появлении, не окликнула внука… Вот и сейчас только носом посвистывала. Слышно было так хорошо, будто бабуля под столом пряталась.

Ну и пусть его жилище самое бедняцкое, подумал Димитрис. Если б не он – девчонке вообще пришлось бы ночевать где-нибудь под лодкой, укутавшись в

рыбацкие сети.

– Хочешь есть? – спросил он у незнакомки.

Алчный огонек блеснул в ее глазах, и она кивнула.

Димитрис достал из холодильника сацики[1 - Традиционный мягкий греческий сыр.], намазал толстым слоем на ломоть хлеба, налил стакан домашнего вина, протянул девушке. Она присела к столу, вино понюхала, сморщила носик и отставила в сторону. Ну и ладно. Девчонка и без того под кайфом, зачем ей еще вино!

Зато за хлеб с сыром девушка принялась с жадностью. Димитрис стал готовить на плите кофе. Сварил, разлил в две чашки. Налил из чана чистой холодной воды в два стакана. Девушка доела хлеб, облизнулась, проговорила:

– Очень вкусно.

– Кто же все-таки ты такая? – задумчиво произнес Димитрис, спрашивая скорее не ее, себя: – Даже имени своего не знаешь…

Во взгляде незнакомки опять мелькнула паника. Видно было, что она совершает мучительные усилия, чтобы вспомнить, но у нее не получается. Девушка сделала порывистое движение и в отчаянии закрыла лицо руками. Рукавом куртки она задела стакан с водой, тот опрокинулся и упал прямо на пол. Раздался звон стекла. Разлетелись осколки, расплеснулась по половицам вода. И в тот же миг из-за стенки раздался хриплый со сна голос бабушки:

– Димитрис? Что такое?

– Ничего, бабушка, я уронил стакан.

– Зачем тебе стакан?

– Я хотел пить.

– А кто с тобой пришел?

– Никого, бабушка, я один.

– Не ври мне.

Димитрис мысленно чертыхнулся – чертыхаться вслух бабушка считала большим грехом, и он старался при ней никогда не поминать лукавого. Но когда бабули не было близко, ругаться случалось. Бабушка за стенкой закряхтела, встала и явилась миру: в белой ночной рубашке, скрюченная, морщинистая, длинноносая – ни дать ни взять ведьма из сказок.

Она в упор, не выражая ни малейшего удивления, стала молча разглядывать незнакомку старческими глазками, а та в ответ смотрела на старушку простосердечно, словно младенец.

– Димитрис! Кто это?! – спросила бабушка.

– Ей негде ночевать.

– Почему она должна ночевать у нас?

Разговор шел по-гречески, поэтому Димитрис не боялся, что ночная красавица их поймет. Если только девушка не притворяется, не играет искусно свою роль – знать бы только какую.

– Я привел ее потому, – смело промолвил парень, – что больше ей не к кому обратиться.

– А кто она такая?

– Туристка. Выпала с яхты и приплыла на остров. У нее ничего нет: ни денег, ни еды, ни воды, ни крова. Разве это не по-христиански – помочь страждущей?

– Ты ей помогаешь, – прозорливо спросила старушка, – потому что она страждущая? Или потому, что красивая и тебе нравится?

– И то, и другое, ба, – честно ответил парень.

– Что ж… – протянула старушка. – Хочешь помогать – помогай. Но если ты воспользуешься ее беспомощностью и надругаешься над ней – учти, бог тебя покарает.

– Я даже не думал ни о чем подобном! – вспыхнул юноша.

– А то я тебя не знаю! И учти: бог высоко, а я здесь, рядом. Спать я больше сегодня уже не буду – спасибо, внучек, разбудил, испортил мне ночь, – и если я что услышу – прокляну и отхожу тебя палкой, понял?

– Бабушка!

– Дай ей пижаму твоей покойной матери! И не вздумай подглядывать, когда она будет переодеваться на ночь!

– Бабушка!

– Что «бабушка»? Если б не я, ты бы такого успел натворить, в твои-то молодые годы – за всю жизнь у господа прощения б не выпросил!

И бабуля ушла к себе за загородку, сердито шаркая шлепанцами по полу. А там не улеглась, а лишь уселась на кровать (скрипнули пружины) и принялась бормотать молитвы.

И тут девушка порадовала Димитриса, потому что задала самый обыденный вопрос, вполне разумный:

– О чем вы говорили?

– О тебе, – не стал скрывать юноша.

– И что?

– Она спрашивала, кто ты и откуда взялась. А я не знал, что ей ответить.

– Она расстроилась?

– Думаю, да.

– Может, мне лучше уйти?

– Куда ты пойдешь? Сейчас ночь, а у тебя даже одежды нет.

– Мы будем здесь ночевать?

– Да.

– Это твой дом?

– Да.

– А где мы находимся?

– Я же тебе говорил: это Хора, или верхний город.

– Мы на острове?

– Да.

– Как он называется?

– Серифос.

Девушка помедлила и попыталась что-то вспомнить. Судя по ее лицу, у нее ничего не получилось.

– А где это? – тихо спросила она.

– Эгейское море. – Девушка не выказала ни узнавания, ни удивления, и Димитрис иронически продолжил: – Государство называется Греция, материк – Европа, планета – Земля. Слушай, что ты принимала?

– Я… Я не помню…

– Ладно. Раздевайся, ложись. Утро вечера мудренее. Я отвернусь.

Про мамину пижаму, посоветанную бабушкой, он решил не упоминать.

– Хорошо, – покорно сказала девушка.

Димитрис прислушался. Бабушка за стеной наконец улеглась и даже, несмотря на угрозу бодрствовать, успела завести свой еженощный посвист. Дай бог, больше она до утра не проснется. Парень указал рукой:

– Эта кровать – твоя. Стели, ложись. На другой я лягу. Я буду здесь, в комнате. Если тебе станет скучно или страшно, или что-то в этом роде – обращайся.

Девушка не ответила. Димитрис понял, что взял неправильный тон, и с чувством сказал:

– Я привел тебя в свой дом, потому что ты мне понравилась. Ты – красивая. И я бы хотел быть с тобой.

Она опять промолчала. Он подошел ближе и взял ее за руку.

Незнакомка резко отдернулась. Отступила на два шага, прижалась к стене. В глазах разлился испуг.

– Не бойся, что ты, что? – Он протянул перед собой две открытые ладони.

– Я не боюсь… но я… Я, наверное, нездорова. Не трогай меня. Пожалуйста, не трогай!

Она почти сорвалась на крик, а Димитрис прижал палец к губам и сделал испуганный жест в сторону перегородки, за которой помещалась старушка.

– Прости, – промолвила незнакомка.

– Я тебя не трону.

– Да, не сегодня, – мягко сказала она, даря ему надежду. – Для начала я должна выздороветь.

«Будем надеяться, что, когда выздоровеешь, ты не убежишь».

Она откинула покрывало на своей койке.

– Отвернись.

Димитрис покорно встал к ней затылком.

А девушка, перед тем как лечь, внимательно изучила свои руки и бедра в поисках следов от уколов.

Следов не было. Или она просто не могла их разглядеть в тусклом свете единственной лампы?

* * *

Нет, я не наркоманка… не наркоманка… но почему так пусто в голове? Почему я не помню о себе ничего? Почему моя жизнь началась два часа назад на пустынном пляже на этом греческом острове? Кто я? Черт возьми, кто я?

КТО?

Я?

Она хотела бы еще над этим подумать. Думать и пытаться вспомнить, думать еще и еще, напрягать мозги, но вместо этого вдруг провалилась в тяжелый сон.

* * *

А ночью ей приснилась… странная картинка… Причем в своем сновидении она видела изображение не вживую. Она вроде бы лицезрела экран монитора – что находится за пределами экрана, различить не могла… А изображение было таким: мужчина в легкой летней одежде… Он ей хорошо знаком, даже близок, но девушка мучительно припоминала и все никак не могла вспомнить, кто этот человек и какое отношение к ней имеет…

Изображение, что ей показывали на экране, дрожало – похоже на документальное кино: снимают издалека и скрытой камерой… Вот мужчина идет по улице белого городка. Сам городок чем-то похож на тот, где она оказалась сейчас с Димитрисом: белые стены домов, синие ставни… Но в то же время она понимала даже во сне: это, конечно, совсем другое место…

Вот человек, за которым наблюдает скрытая камера (и она во сне!), входит в дом. Да, и этот дом чем-то похож на жилище, где она сейчас находится. Он такой же белый, под голубой крышей, однако при этом и больше, и современней, в нем не один, а целых два этажа и есть синий деревянный балкон и спутниковая тарелка на крыше…

Девушка в своем сне по-прежнему не узнает мужчину… Но теперь понимает, что он вовсе не друг ей, а враг.

И еще: этот человек знает ответы на многие вопросы. Он ведает, что с ней приключилось и почему. И если она хочет вернуться к жизни, узнать о себе все, что забыла, она должна разыскать этого мужчину… Это возможно, раз она точно знает, как он выглядит. И в каком доме живет…

Однако, в сущности, это ведь просто сон… Может ли она верить ночному кошмару?

* * *

Димитрис разбудил незнакомку еще затемно.

Погладил по плечу:

– Вставай, а то скоро проснется бабуля, будет нам очередная порция ворчни…

Девушка в испуге вскочила, прикрывая грудь и плечи одеялом, и парень с горечью понял: его надежды не сбылись. Незнакомка за ночь не протрезвела, не пришла в себя. Те же безумные, ничего не понимающие, испуганные глаза.

– Вставай, – терпеливо повторил Димитрис, – надо позавтракать, и еще у меня появился план…

– План? Какой план?

– Увидишь. Поднимайся. Я принес тебе одежду. Я отвернусь.

Конечно, он снова, как и вечером, отвернулся, раз обещал, – однако теперь в зеркальце над умывальником все ж таки посматривал на прекрасную гостью. Просто не мог удержаться. В конце концов, вчера девушка предстала перед ним совершенно обнаженной, поэтому он вроде имеет право…

Димитрис положил на стулья целый ворох одежды, чтобы у нее был выбор. Он уже успел чуточку узнать женщин и усвоил, что девушки обожают выбирать, особенно когда дело касается нарядов. Итак, он дал ей два платья своей покойной матери и еще матушкины туфли – кажется, по размеру они ей подходили – и нижнее белье, а также пару собственных футболок и джинсы.

Красотка, конечно, сразу отвергла материны платья: старинный фасон, запах нафталина. Облачилась, как он и предполагал, в его джинсы и одну из футболок. Одежда висела на ней мешком, штанины пришлось подвернуть, но все равно она стала еще соблазнительней, чем даже когда была абсолютно голой.

– Мне идет? – спросила девушка с долей кокетства и поспешила к зеркалу. Единственному зеркалу в комнате – небольшому, над рукомойником.

– Супер! – искренне восхитился Димитрис.

– Вот только туфли, – озабоченно проговорила она, – кажется, мне маловаты. Может, у тебя найдутся кроссовки или что-то вроде?

– Я ношу сорок третий размер.

– Да-а, – засмеялась незнакомка, – сорок третий мне вряд ли подойдет.

Сейчас, когда она говорила о нарядах, девушка производила впечатление совершенно нормальной, и Димитрис возрадовался: что, если она все-таки пришла в себя?

– Ладно, – молвил он, – теперь ты экипирована, надо позавтракать.

– А можно чем-нибудь почистить зубы? – абсолютно разумно спросила незнакомка. – И причесаться?

– Запасной щетки у меня нет. Паста имеется. Почисти пальцем. Расческа – пожалуйста. И свежее полотенце.

Пока гостья плескалась у рукомойника, он поджарил два куска феты и сварил кофе.

– Садись, поедим.

– А ты хозяйственный.

– Стараюсь.

Незнакомка с удовольствием проглотила сыр с хлебом, выпила кофе.

– Ну, утро оказалось мудренее вечера? – с надеждой спросил Димитрис.

– В смысле?

– Ты вспомнила, кто ты и откуда?

На лицо гостьи легла тень.

– Я все думаю, думаю, вспоминаю – и ничего не могу припомнить. Ничего. Как будто я родилась вчера на пляже. А до того – пустота. И темнота. Ни одного

проблеска. Я не знаю, что со мной случилось, – со стоном проговорила она.

– А может, – с улыбкой предположил Димитрис, – ты и вправду только вчера родилась? Как Афродита? Из морской пены? Знаешь легенду об Афродите?

Девушка задумалась, потом кивнула:

– Да, что-то помню.

– Вот видишь! – с преувеличенной бодростью воскликнул он. – Ты помнишь миф об Афродите, умеешь чистить зубы и со вкусом одеваешься. Значит, ты не какая-нибудь марсианка, а земная женщина.

– Ну, я надеюсь, что да, – улыбнулась незнакомка.

«Ура! Она, кажется, даже понимает юмор! И сама пытается шутить!»

– Значит, все остальное приложится, – с уверенностью заявил юноша. – Ну, пойдем?

– Куда?

– Я же говорил, что у меня есть план.

– Какой?

– Ты нетерпелива. Давай спустимся вниз, в порт, а там я тебе расскажу.

Тут за стенкой завозилась, закашляла бабушка, парень приложил палец к губам и указал на дверь:

– Бежим!

* * *

Они вышли, когда уже рассвело, однако солнце еще не взошло, пряталось где-то за огромными горами. От пейзажа, раскинувшегося под ними, захватывало дух: тихое огромное море, а на горизонте другой скалистый остров – похоже, необитаемый. Далеко внизу на «их» острове – белые домики нижнего города и бухта, а в ней – маленькие яхточки с тонкими спичинками мачт.

Верхний город, как и ночью, производил впечатление необитаемого. Ни единого человека на улицах-ступенях, ни одна из ставней не открылась, не слышалось ни голосов, ни музыки. В нескольких маршах ступеней вверху возвышалась белая громада церкви с синим куполом.

– Мне туфли жмут, – пожаловалась незнакомка, – можно я сомну задники?

– Ради бога, – откликнулся Димитрис. – Все равно эти туфли никому не нужны. Они принадлежали моей матери.

– А где она сейчас?

– Она умерла.

– Извини.

Дальше спускались в молчании. Получилось гораздо быстрее, чем вчерашний ночной подъем. А когда они ступили на улочки нижнего города, из-за горы появилось солнце.

И вместе с ним стал просыпаться городок. Лениво открывались кое-какие лавки. А когда парень с девушкой достигли самой первой линии домов – у моря, там оказалось и вовсе оживленно. С пакетами продуктов проходили туристы. Кое-кто из отдыхающих завтракал в тавернах – заняты один-два столика в каждой, но все равно определенное кипение жизни резко контрастировало с замершим верхним городом. Работал банк, и школьный автобус привез и выгрузил на остановке группу детей с ранцами.

– Мне пора на работу, – сказал Димитрис.

– А где ты работаешь?

– Здесь, в городе. И ты оставайся тут, в порту. Походи, погуляй по пирсу, поглазей на яхты. Может, узнаешь кого-нибудь? Или кто-то узнает тебя?

– Это и есть твой план? – спросила, улыбаясь, девушка.

– Не только. Давай встретимся с тобой ближе к обеду, часов в пять. Если проголодаешься – вот тебе пять евро, купи в булочной пирог или сандвич. Они здесь вкусные.

– Спасибо, Димитрис.

Он погладил ее по руке. Она ему нравилась, и жалко было с ней расставаться.

«А ведь она может все вспомнить или просто уплыть с кем-то другим на любой яхте – на такую красоту охотников много. – У него заныло сердце. – И тогда плакали мои пять евро, и джинсы, и футболка, и туфли моей покойной матери. А главное – я больше никогда ее не увижу».

– Только в любом случае, пожалуйста, скажи мне, как ты и какие у тебя планы. Я работаю там, у пляжа, где мы вчера встретились. В прокате машин, называется «Анкор». Обещай, что зайдешь, если узнаешь о себе что-то новое, ладно?

– Обещаю.

Он оглянулся и окинул взглядом ее фигурку, мысленно прощаясь с нею навсегда. Девушка застыла на набережной и озиралась по сторонам. Она казалась очень растерянной.

* * *

Девушка послушно прошлась мимо яхт, припаркованных (иначе про них и не скажешь) кормами к молу. Яхточки стояли вплотную друг к другу, покачивались, поскрипывали. Высоченные тонкие мачты без парусов были устремлены к небу.

Сердце ее молчало. Почему-то она заранее была уверена, что ни она не встретит никого и ничего знакомого, ни ее никто не признает. «Я попала сюда не на

яхте, – крепло в ней убеждение. – Тогда как? На пароме?»

А на частных белых суденышках кипела своя, утренняя жизнь. Мореходы возвращались с берега с покупками, поднимались по трапам на борта. Кое-где уже завтракали, усевшись за столиками прямо на палубе. Где-то заспанные одиночки попыхивали сигаретами или потягивались со сна. Люди как люди, совсем обычные, разноязыкие.

Флагштоки мачт украшены самыми разнообразными, разноцветными вымпелами. Она откуда-то знала, что это флаги разных государств, но не помнила ни одного, не знала, какую страну какой стяг означает.

Красавица, прогуливающаяся в одиночестве по пирсу, конечно, привлекала внимание экипажей, но не слишком пристальное или навязчивое. С одной из яхт крикнули что-то на незнакомом ей языке. Девушка откуда-то знала, что нельзя оборачиваться на мужские выкрики в спину, но сейчас она, против собственных правил, остановилась и переспросила по-английски:

– Что? Что вы хотите?

– Поедем с нами, красотка! – крикнул, перейдя на язык адмирала Нельсона, продубленный, загорелый сверх меры яхтсмен с борта своей посудины. Одет он был по-простецки: в полосатый банный халат. Из-под халата торчали загорелые волосатые ноги. Его товарищи, тусующиеся на яхте, – такие же просоленные, провяленные на солнце (и, кажется, столь же изрядно проспиртованные) – одобрительно заржали.

– Не с вами, мальчики, – буркнула она и продолжила свой путь.

Девушка еще раз прошлась вдоль пирса. Яхты производили впечатление крепких, но достаточно скромных суденышек. Метра четыре в ширину, метров пятнадцать в длину. Высоченные голые мачты, паруса, спрятанные в чехлы, на палубах – свернутые в мотки веревки. Над палубами – тенты от солнца.

Волны били в причал, хлюпали, ударяли в корму, ветер временами звенел, посвистывал в снастях. Все, как положено: море, пирс… Но… В пустом, больном мозгу девушки при слове «яхта» почему-то рождались совсем другие ассоциации. Она прикрыла глаза, стараясь не упустить долгожданное,

драгоценное воспоминание… И – вот оно! Ей вдруг на секунду привиделся огромный белоснежный корабль. Вокруг открытое море. На теплоходе – несколько палуб, тонированные окна кают, открытый бассейн, локаторы… Она наблюдает судно откуда-то сверху – видимо, с вертолета. Корабль растет в размерах, и вот винтокрылая машина (внутри которой – она) садится в самый центр специальной площадки на палубе… Но дальше – стоп… Пленку-воспоминание будто выключили. Ни разглядеть, что будет дальше, ни назад перемотать…

* * *

Днем она у него в прокате так и не появилась. К пяти часам вечера Димитрис подошел к месту, где оставил утром прекрасную незнакомку. Сердце его колотилось. Он мечтал ее увидеть и ужасно боялся, что девушки не окажется. Но нет – она ждала его. Какая радость!

– Как дела? – спросил он.

– Так себе, – нахмурилась девушка.

– Ты что-нибудь вспомнила?

– Ничего. Почти ничего.

– Может, тебе обратиться к врачу? – неуверенно предложил он.

– У меня ведь нет денег. И страховки.

– О, ты знаешь, что такое «страховка»! Уже хорошо. Проголодалась?

– Да. Но повторюсь: у меня нет денег. Даже на еду.

– Пойдем, я тебя угощу. Когда сможешь, отдашь. Или отработаешь.

При последних словах незнакомка нахмурилась.

– Эй, я ничего плохого не имел в виду, – стал оправдываться Димитрис. – Раз у тебя сейчас временно нет денег – значит, тебе нужна работа. Я постараюсь ее для тебя найти.

– Спасибо.

– Не стоит благодарностей. Пойдем.

Они прошли вдоль линии моря, набережная скоро кончилась, и начался пляж. Сели в самой дальней (но одновременно – уж Димитрис-то хорошо это знал – в самой дешевой и вкусной) таверне. Столики стояли тут прямо на песке, в нескольких метрах от линии прибоя. Кроме качества и дешевизны, было еще как минимум две причины привести незнакомку именно сюда.

К ним подошла официантка. Поприветствовала парня по-гречески:

– Я… сас, Димитрис!

А потом обратилась к его спутнице. Ей она сказала несколько слов на своем родном, незнакомом парню языке.

И та неожиданно откликнулась.

* * *

– О, да ты русская! – возликовала в ответ официантка.

– Да, может быть, – неуверенно проговорила незнакомка.

– Ну, сказанула! «Может быть»! – фыркнула официантка. – Да ты говоришь по-русски совсем без акцента. Точнее – акцент у тебя москальский…

– «Москальский»? – недоумевающе сморщилась девушка. – Что это значит?

– Что значит? – рассмеялась подавальщица. – Что ты не с Украины, не с Белоруссии. Ты – с России.

Официантка по-свойски села за столик.

– А откуда конкретно? – спросила она, жадно изучая лицо девушки. – С Москвы, с Питера? Может быть, с Волги? Или с юга? Хотя у волжан акцент другой. И у кубанцев – тоже… Может, ты с Выборга, с Архангельска? Они тут часто плавают – мореходы…

– Я… я не знаю…

– Ручки у тебя красивые… – Подавальщица схватилась за тыльную сторону ладони и принялась с интересом рассматривать. – Крема, парафиновые ванночки, салоны… Правда, маникюра ты давно не делала. Дней десять как минимум… Но я могу поклясться, посуду ты редко моешь и рыбу не чистишь… Чем вообще по жизни занимаешься?

Незнакомка нахмурилась. Димитрис уже не раз видел подобное выражение на ее лице – когда она силилась вспомнить, да у нее не получилось.

– А как тебя зовут? Меня вот Наташа, я родом с Могилева. А ты?

– Прости… Прости, я не помню…

– Слушай, может, ты в кораблекрушении пострадала? Или за борт с какого-нибудь круизного лайнера выпала? Тебе память и отшибло. Я про таких, как ты, по телевизору смотрела, правда, они там в психушке лежали, а их родных искали… Ну, у нас здесь, на Серифосе, дурдома нет, поэтому сама давай вспоминай, – затормошила Наташа незнакомку. – Хоть что-то ты помнишь? Плыла по морю, да? А дальше что?

* * *

И тут – еще один флэш, всплеск, воспоминание: крохотный плоский остров, вокруг море, но совсем неподалеку – большая земля, а посреди острова – почему-то вертолет… Он стоит, лопасти застыли, а рядом с вертолетом, у его шасси, лежит связанный человек… И море вокруг – синее-синее, спокойное, и берег рядом, но он пустынен – песок, трава, ни души… И очень хочется пить…

* * *

«Этот ж какой случай! – с восторгом думала Наташа. – У нас, на Серифосе! Где годами ничего не происходит! Вдруг – девчонка, потерявшая память. Это ж кому рассказать! Как в мексиканском сериале! Девочки с ума сойдут. Журналисты понаедут – интервью у меня брать!.. Если только эта красотка не придуривается… Но, похоже, что нет…»

– Ну, что, была катастрофа? – теребила москальку Наташа.

– Да, – вдруг выдавила незнакомка.

– Да – что? – с жадностью уставилась в ее лицо Наташа. – Что конкретно случилось?

– Авария была… И я… На каком-то островке… Необитаемом…

Тут из здания кафе выглянул хозяин, мазнул взглядом по официантке, нахмурился. Та вскочила из-за столика, заторопилась.

– Ну, вот видишь – начинаешь вспоминать! Как хорошо! Глядишь, так мы с тобой скоро все про тебя и узнаем… Ну, ладно, ребятки, а теперь давайте поешьте… – И она перешла на греческий, обращаясь к Димитрису: – Что вам принести?

* * *

Обед оказался великолепен. Греческий салат и огромная тарелка, полная мелкой жареной рыбешки, которую они с Димитрисом ели не очищая, прямо с головой. И необыкновенно вкусный хлеб – она макала его в оливковое масло, оставшееся от салата. А Димитрис бросал куски гусям – откуда ни возьмись вокруг столика возникли три здоровенных домашних гусака, которые кормились людскими щедротами. И море тихо плескалось в нескольких метрах от столика, и закатное солнце светило ярко, но не жарко…

Когда они закончили трапезу и пили кофе по-гречески, с холодной водой, Димитрис наконец спросил:

– Ну, что тебе рассказала Наташка?

Девушка старательно передала ему все, что она выяснила о себе с помощью официантки. Димитрис ответил, хмурясь и глядя на собственные руки:

– Видишь, мы с тобой сумели очень многое о тебе узнать.

– Да. Спасибо тебе за помощь. И за обед.

Она действительно была очень признательна парню.

– Ты русская, и ты потерпела кораблекрушение.

– Похоже, что так, – согласилась красавица.

– Правда, я сроду не видел у нас на острове ни яхт, ни катеров, ни теплоходов под российским флагом.

– Да? – вздернула брови незнакомка. – А может, я ходила на яхте под другим флагом?

– Бывает и такое, – кивнул он. – Но раз ты русская – значит, тебе надо в русское посольство. Там тебе помогут.

– Наверное, ты прав, – вздохнула она.

– Но посольство в Афинах.

– А это далеко?

– Больше ста морских миль. Паром будет только через три дня. А у тебя нет денег на билет. И нет средств на еду и на то, чтобы там, на материке, хотя бы добраться из порта Пирей до русского посольства. Я бы дал тебе кэш, без проблем, но у меня тоже негусто с наличностью…

– Куда ты клонишь? – нетерпеливо перебила его девушка.

– Значит, план будет такой, если ты согласишься, конечно. Ты идешь работать. Зарабатываешь деньги. Ну а потом плывешь на материк.

– Работать… А что делать?

– С работой сейчас, не в сезон, на острове сложно. Но я, слава богу, отыскал для тебя место. И даже обо всем договорился. Будешь мыть посуду – здесь, в таверне. И помогать на кухне. Платить тебе обещают пятнадцать евро в день. Еда – бесплатно. Жить можешь у меня. Тоже бесплатно. За неделю скопишь на билет. Заодно, глядишь, вспомнишь, кто ты и как тебя звать… Правда, есть еще один вариант. Учти, я не шучу…

Глаза Димитриса вдруг полыхнули страстью. Отчаянной и почти безнадежной.

– Вариант? – пропела красотка. – Какой же?

– Ты выходишь за меня замуж. И остаешься здесь. Знаешь… Я… Я, кажется, люблю тебя…

Не в силах сдержаться, юноша схватил ее за руку. Незнакомка не отодвинулась, не убрала кисть.

– Это так неожиданно… – пробормотала она. – Мы ведь совершенно не знаем друг друга… Да что там! Я сама не знаю себя… А потом, что скажет твоя бабушка?

– Моя бабушка примет любое мое решение, – нахмурился Димитрис.

Однако слишком уверенно его голос не прозвучал.

А девушка усмехнулась:

– Хорошенькое решение: вдруг, с бухты-барахты, на второй день знакомства привести в дом жену! Которая взялась неизвестно откуда! И даже не знает, как ее зовут.

– Я же сказал тебе: мы решим эту проблему. Я уверен, ты вспомнишь, кто ты, только чуть позже. Ты ведь уже узнала, что ты русская…

Он запнулся.

– Моей национальности, конечно, достаточно, чтобы сделать мне предложение. – В голосе незнакомки звучал нескрываемый сарказм. – А вдруг я уже замужем?

Димитрис отчаянно замотал головой.

– Я уверен, что нет! А о тебе мы узнаем еще больше. Я обещаю.

– У тебя много знакомых официанток из Могилева? – опять сыронизировала красавица.

– У меня есть другой план. Сегодня отдыхай, а завтра вечером мы с тобой отправимся в одно место…

– В какое такое место?

– Недалеко. Здесь, на острове… – Юноша загадочно улыбнулся.

Но девушка не отставала:

– Отправимся – зачем?

– Пока ничего не скажу. Но там тебе точно помогут.

* * *

Она очень надеялась, что Димитрис отставит свой план. Пусть память ее чиста, как белый бумажный лист, но мозги, она уже убедилась, работают. И она отдавала себе отчет: если кто-то и сможет ей помочь, то точно не он. Слишком уж юн. И чересчур наивен. И сверх меры (как, впрочем, и все парни его возраста) повернут на одном. Сам Димитрис наверняка считает это любовью. А на самом

деле это всего лишь желание. Сумасшедшее, как у всех восемнадцатилетних мальчишек. И его идеи похожи на мыльные оперы или сказки про пиратов. Выходи за меня замуж, и будем жить в каморке с сумасшедшей бабулей. Разве не глупо? И на сегодняшний вечер парень наверняка приготовил что-нибудь подобное. Например, страстный поцелуй над пропастью с диким риском свалиться вниз и с крошечным шансом, что перед лицом опасности она вспомнит свою прошлую жизнь… Интересно, откуда-то же она помнит про экстремальные методы борьбы с амнезией, и даже слово «амнезия» вспомнила, и слово «экстремальный», но только по-прежнему почти ничего не ведает о самой себе…

Однако отвязаться от Димитриса оказалось непросто. Когда вечером он пришел за ней в таверну, глаза его горели.

– Ты не забыла? У нас с тобой сегодня важное дело, – выпалил парень чуть не с порога.

А девушка еле удержалась от недовольной гримасы. Она устала, ей хотелось в постель. И еще хотелось многого другого, о чем она успела вспомнить. Например, в парикмахерскую. К косметологу. На массаж. Или позаниматься йогой, поиграть в теннис (ей почему-то казалось, что играет она неплохо), почитать женский роман, поваляться в ванне. Что угодно, только не прогулки по ночному бесприютному пляжу. Насмешливый блеск звезд, шорох песка под ногами, монотонный плеск волн, пробирающий до костей бриз. И – опаляющий, сметающий все на своем пути жар, что исходит от ее спутника. Димитрис хочет ее – всегда, везде, всю. И с этим ничего нельзя поделать.

Она слабо улыбнулась. Пробормотала:

– Уже поздно. И я действительно очень устала. Пожалуйста, bunny…

Лицо Димитриса зарделось румянцем. Ему страшно нравилось, когда она называла его bunny.

Впервые это словечко сорвалось у нее с языка вчера, просто машинально. И только потом она вспомнила, что оно означает «зайка». Но не детеныша зайца. У слова совсем другой смысл. Так обращаются друг к другу любовники, и Димитрис, конечно, сразу решил, что раз он «зайка», значит, тоже ей небезразличен. Только как ему объяснишь, что она назвала его ласковым

именем случайно, по ошибке? Она явно имела в виду кого-то другого. Своего истинного любовника. Ни имени, ни лица которого так и не могла вспомнить…

И девушка аккуратно сбросила со своего плеча требовательную руку Димитриса и повторила:

– Давай лучше пойдем домой.

Однако он сжал ее плечо еще крепче. И вдруг спросил:

– Скажи, ты веришь в бога?

– В бога? – растерянно пролепетала она.

Еще одно слово – конечно, знакомое и, безусловно, что-то значащее. Бог. Нечто, или некто, справедливый и одновременно грозный. Кажется, она действительно в него верила. В прошлой жизни.

И девушка твердо ответила:

– Да.

– Жаль, – неожиданно отреагировал Димитрис. И, секунду поколебавшись, решительно добавил: – Но даже если так, мы все равно пойдем к нему.

Девушка с любопытством взглянула на своего спутника. Кажется, ей повезло. Приключение, задуманное Димитрисом, вовсе не ограничится объятиями на пляже. И она осторожно спросила:

– А он– кто?

– Когда увидишь, ты испугаешься, – усмехнулся Димитрис.

Мимолетно взглянул на простенькие часы, украшавшие его запястье, и озабоченно произнес:

– Ого, уже десять вечера! А нам еще километров пять идти… И еще неизвестно, примет ли он.

– Слушай, ты можешь объяснить нормально? – сердито спросила девушка.

А Димитрис взглянул ей в глаза и ответил:

– Мы идем к одному человеку. Он живет здесь, на острове. Далеко, в заброшенной деревне…

– А кто он, этот человек? – нетерпеливо поинтересовалась она.

Но Димитрис лишь вздохнул:

– Если сказать тебе заранее, ты просто не пойдешь.

* * *

В заброшенную деревню они добрались только к полуночи. Пути оказалось не пять километров, а добрых восемь, да еще по песку, и ветер трепал волосы, пробирался под тонкую куртку. Ощущение было, что они где-то на краю земли. И хоть море и соль брызг на губах, у нее перед глазами вставала картина из совсем другой жизни: снег (белые кристаллы, сплошь усыпавшие землю), елки (так называются высоченные, здесь ничего похожего нет, деревья) и заброшенная, покосившаяся избушка из почерневших бревен.

И от этих видений, вплетавшихся в реальность, ей стало особенно жутко.

– Димитрис, мне страшно… – пробормотала девушка.

И, разумеется, услышала в ответ:

– Со мной ничего не бойся.

Но юноша тоже трусил, да еще как – она это чувствовала.

Как ни пыталась девушка расколоть Димитриса, куда они идут да зачем, по делу тот ей так ничего и не рассказал. Лишь глухо намекнул: человек, к которому они направляются, на их острове изгой, ни один из местных жителей его даже на порог не пустит.

– Но почему? Он что, прокаженный? Преступник?

– Хуже, – покачал головой Димитрис. – Он пошел против бога.

… Наконец они подошли к приземистому беленому домику. Тот выглядел нежилым: крыльцо покосилось, окна закрыты синими ставнями.

Однако едва Димитрис потянулся постучать во входную дверь, та распахнулась сама, и девушка от неожиданности вскрикнула. В глаза плеснуло светом. Пахнуло теплом и какими-то пряностями… А потом на пороге высветился силуэт огромного черного пса.

Стоя на четырех лапах, он доставал ей почти до плеча. И тихо – но очень зловеще – рычал.

Девушка, похоже, в своей прежней жизни боялась собак, особенно таких, как эта: с горящими злым золотом глазами, мощными лапами, оскаленной розовой пастью…

Но даже самый устрашающий пес меркнул в сравнении с человеком, стоявшим рядом с собакой.

То был – вепрь? Вампир? Вий? Гоблин?

Она никак не могла вспомнить нужного слова.

Хотя, конечно, устрашающая фигура принадлежала человеку. Просто он – чрезвычайно странный. Мужчина огромного, под два метра, роста. Лицо почти скрыто волосами: седая шевелюра, могучие кусты бровей, нестриженая борода. А главное – взгляд. Глаза с виду самые обычные, серые, и не то что какие-то особо пронизывающие, но все равно по позвоночнику сразу холодок побежал…

И голос – хриплый, будто человек заговорил после долгих лет, в течение которых исполнял обет молчания.

– Рядом, Джек!

И следующие слова – адресованные ее спутнику – ударили, будто током:

– Продолжаешь спорить с судьбой, Димитрис?

И юноша (а ведь ей казалось, что она за пару дней, что они провели поблизости друг от друга, узнала его до донышка – совсем молодого, глупенького и открытого) спокойно ответил:

– Нет, отец Стелиос. Сегодня я пришел к вам совсем за другим.

А когда страшный человек в ответ усмехнулся и, небрежно взглянув на нее, произнес: «Хочешь покопаться в этой особе?», девушка просто была готова вырвать свою ладонь из руки Димитриса и броситься в ночь. И пусть на пляже воет ветер и нет ни души – лучше так, чем рядом с этим ужасным человеком.

Однако тот будто прочел ее мысли. Резко выбросил вперед огромную волосатую руку и втащил девушку в дом.

Кажется, она закричала… и Димитрис ее успокаивал, нежно гладил по плечу… а седобородый Стелиос стоял в углу комнаты, смотрел на них из-под кустистых бровей, и пес спокойно улегся подле продавленного кресла, и ничего страшного пока не происходило. Девушка потихоньку успокоилась, все равно ей казалось, что просить, чтобы они ушли, как, впрочем, и сопротивляться, и умолять – бесполезно. И тогда Стелиос хрипло произнес:

– Давай к делу, Димитрис. Скажи наконец, что тебе от меня на этот раз, – («значит, были и другие разы?»), – нужно?

И юноша отпустил руку русской и твердо произнес:

– Мне нужно, чтобы ты помог этой девушке обрести память.

Стелиос усмехнулся:

– Как ты сказал – память?

В глазах его полыхнули искорки любопытства. А Димитрис с видом собственника водрузил руку на ее плечо и повторил:

– Девушке надо знать, кто она. И откуда. И что с ней случилось. И почему это произошло. И еще… – он виновато взглянул на нее, но все же закончил, – не обманывает ли она меня?

– С этими вопросами тебе следовало обратиться к богу, Димитрис, – усмехнулся страшный человек.

А она – уставшая, испуганная – наконец не выдержала:

– Послушайте! Вы можете объяснить мне, что происходит?

Но вместо ответа юноша лишь легонько подтолкнул ее в сторону ужасного Стелиоса, или как его там. И девушка – вместо того чтобы отшатнуться – будто загипнотизированная, пошла к нему. А тот коснулся своей тяжелой ладонью ее лба и пробормотал:

– Странно… Очень странно.

И резко обратился к Димитрису:

– Она тебя не обманывает. Ее память действительно чиста, словно неисписанный бумажный лист.

«Ради сего великого открытия, конечно, стоило ковылять два часа по песку», – саркастически подумала девушка.

А огромный человек вновь коснулся ее лба (от его руки по коже разлилось приятное тепло) и вдруг резко, глядя прямо ей в глаза, произнес:

– Я бессилен тебе помочь. Могу только сказать, что ты заслужила то, что случилось. Беспамятство – твоя кара. Кара за грех. За зло, что ты причинила людям.

– Причинила зло? Я? – растерянно пробормотала девушка.

А отец Стелиос вдруг забормотал:

– Вспомни. Лето. Парк. Пахнет яблоками. И дети играют в мяч… Сколько вас было?.. Да, трое.

О чем он говорит?

Девушка в недоумении смотрела на страшного человека. А тот продолжал:

– В саду была ты. И еще одна девчонка, твоя подружка. Вам лет по десять. И с вами маленький мальчик. Ему не больше пяти. Он ничей не брат, не родственник. Откуда он к вам прибился?..

«Ну все, хватит», – едва не вырвалось у нее.

Димитрис тоже смотрел на рассказчика со все возрастающим недоумением.

Однако тот уже не замечал ничего вокруг и продолжал бормотать:

– У мальчика была плохая мать… да, да, она пила и совсем не интересовалась своим сыном. И вы с подружкой просто пожалели его. И взяли с собой на прогулку. Никто об этом не знал. Потому что никому из взрослых не было до ребенка никакого дела…

И вдруг, будто по волшебству, в ее голове вспыхнула картинка: лето – но совсем не такое, как здесь, не жаркое, в воздухе звон комаров и запах влажной, после очередного дождя, земли. И яблоневый сад – урожай не созрел, яблоки крошечные и зеленые. И она сама, только маленькая, действительно лет десяти. И еще одна девчушка того же возраста. А с ними – мальчишка, гораздо младше, явно дошкольник…

Они с подругой длинными палками пытаются сбить с вершины яблони единственный плод с уже покрасневшим бочком. Но слишком высоко, и у них ничего не получается. Сверху услужливым дождем сыплется невкусная зелень, а заветное наливное по-прежнему недоступно. Девочки спорят друг с дружкой. Одна предлагает залезть на дерево и достать яблоко рукой, а вторая отговаривает: ветки тонкие, опасно… А потом вдруг одна из них кричит:

– Пусть он залезет!

И показывает на малыша.

И тот – худенький, в чем только душа держится – с готовностью лезет на дерево. Мальчик даже польщен: большие девочки нуждаются в нем, они поручили ему важное дело… Тонкие ветки прогибаются, но пока удерживают хрупкое тельце… А когда ребенок уже почти на вершине, вдруг раздается хруст… ветка подламывается… и дальше все как в замедленной съемке, беззащитное тело падает на землю. Удар. И тишина. Они в ужасе бросаются к нему… И с огромным облегчением встречают его слабую улыбку. И слышат виноватый лепет:

– Я… я не удержался.

Ребенок в порядке и, кажется, ничего не сломал, только лицо исцарапано, и из носа капает кровь.

…Картинка, что всплыла перед ее глазами, была абсолютно реальна – вплоть до деталей: погоды, одежды былых времен. Внушить такое невозможно. Бородач Стелиос действительно непонятным образом вытащил воспоминание из ее подсознания. Все и вправду происходило именно с ней. Очень давно. Много лет назад. Но почему она оказалась в том яблоневом саду? И где он находится? И как звали ее подружку и того пацаненка?

Этого девушка не помнила. И она, вся во власти только что увиденного «кино», вскрикнула:

– Но при чем здесь кара? Ведь с мальчиком ничего не случилось!

А бородач внимательно взглянул на нее и назидательно произнес:

– О да! Тебе гораздо спокойнее считать, что ты ни в чем не виновата. Ребенок всего лишь разбил нос. Вы остановили ему кровь и промыли царапины, и даже раздобыли новые футболку и шорты вместо порванных. Он вернулся домой и сразу лег спать, сам, – в той семье все равно было не принято, чтоб ребенка укладывали родители. И его мамаша ни о чем даже не узнала. И не заметила, что сын пришел домой исцарапанным, в чужой одежде… А потом вы с подругой уехали и никогда больше не возвращались в тот поселок и в тот сад. И никогда не узнали, что…

Бородач зловеще замолк.

Девушка сидела ни жива ни мертва.

И уже Димитрис нетерпеливо спросил:

– Но что? Что же случилось?

Однако страшный человек не обратил на него ни малейшего внимания. Проникновенно посмотрел на девушку и властным голосом произнес:

– Слушай себя. Слушай!

…И в ее голове вновь вспыхнула картина: уже совсем взрослый мужчина, высокого роста, стройный, с волевым подбородком. Такому бы еще антураж соответствующий: дорогая машина, хорошие часы на запястье, дизайнерский костюм. Однако находится человек в казенном, блеклом, с обшарпанными стенами помещении. И сидит не в кожаном кресле начальственного кабинета, а на продавленной панцирной кровати. И глаза его бессмысленны и пусты. Руки безвольно висят вдоль тела. А по подбородку тянется ниточка слюны.

Мучитель Стелиос жестко говорит:

– Это он, тот самый мальчик. И таким он стал только благодаря тебе.

– Не понимаю… – выдыхает девушка.

– Что ж. Я тебе объясню, – пожимает плечами гигант. – Ребенок упал с большой высоты. Метра три. И ударился головой. Но ты тогда… Ты просто промолчала. Испугалась, что во всем обвинят тебя… А зачем признаваться? Переломов нет, ребенок бегает, а то, что голова у него болит, – у всех бывает, пройдет. Но мальчика-то следовало срочно вести к врачу. Оперировать. Спасать. Но никто ведь – кроме вас! – даже не знал, что случилось… Никому и в голову не пришло показать его докторам. И эта травма – незалеченная! – убивала его. Убивала с каждым годом. И в конце концов у него случилось кровоизлияние в мозг. И превратило его в растение. И если бы он мог говорить, он просил бы, умолял тебя, всех, чтобы вы навсегда прекратили его мучения. Но он даже этой возможности лишен. Поэтому око за око, милая девушка. Ты – лишила памяти его. А он – тебя. В жизни зло часто уравновешивает само себя. То, что ты причинила, возвращается назад к тебе же. Еще вопросы будут?..

Она, потрясенная, молчала. Кажется, по лицу текли слезы. А в голове билось: «Кто он, этот бородач? И откуда он знает о ней то, что ей самой совершенно неведомо?..» И еще одна крошечная и почти безнадежная мысль: вдруг ничего не было – ни мальчика, ни яблони? И странный человек – просто сильный гипнотизер, отчего-то решивший испытать на ней мощь своего таланта?..

Однако Димитрис, похоже, принял рассказ отца Стелиоса за чистую монету. Он нежно коснулся рукой ее лица, успокаивающе пробормотал:

– Не плачь, банни… Даже если так было на самом деле. Ты все равно ни в чем не виновата. Ты была маленькой. Я бы тоже на твоем месте испугался во всем признаться…

И с укором обратился к бородачу:

– Я просил вас совсем не об этом. Я просил помочь ей, а не искать виновных.

Девушка бросила на него благодарный взгляд, а Стелиос лишь усмехнулся:

– Ты задал мне много вопросов, и я ответил – на тот, что считаю самым важным. Кто виноват в том, что она потеряла память? Только она сама.

– Но я имел в виду совсем другое! – горячо воскликнул Димитрис.

Увидел, что брови Стелиоса гневно сошлись у переносицы, и поправился:

– В смысле, не за какие прегрешения, а почему и как. Когда, где?..

– Шли запрос в небесную канцелярию, – усмехнулся старик.

И снисходительно пояснил:

– Я вижу лишь общую картину. Детали мне неподвластны.

– Но ведь все, что вы рассказали, нам никак не поможет! – продолжал горячиться Димитрис. – Мы по-прежнему не знаем ни ее имени, ни откуда она, ни что с ней случилось. Получается, мы зря на вас надеялись?

А девушка жалобно добавила:

– Пожалуйста. Ведь меня здесь даже называют не по имени – просто «она».

– Имя у тебя, должно быть, красивое, – усмехнулся старик. – А вот душонка…

И вновь Димитрис бросился на ее защиту:

– Неправда! Она добрая! И умная! И…

Старик же вновь одарил ее цепким, раздирающим душу взглядом и будто бы про себя проговорил:

– Да, она, конечно, красива. И умна. Потому что только умные зарабатывают деньги своей красотой. Да, да, я вижу еще кое-что… Эта девочка в своей прошлой жизни знала себе цену. И умело пользовалась теми щедротами, что ей даровала природа. Я вижу: она вся в роскоши, в блеске… Софиты, фотовспышки, поклонники… Автографы, призы, подарки, слава…

– Вы имеете в виду, что я была… моделью? – недоверчиво спросила девушка. – Или актрисой?

– А что, вполне может быть! – вновь встрял Димитрис.

Старик же опять внимательно взглянул на нее и задумчиво произнес:

– Я не знаю, кем ты была. Но ты… ты… создавала свой собственный мир. Неправильный. Насквозь фальшивый. Иллюзию, красивую сказку. А люди тебе верили. Не щадя живота своего стремились попасть в тот несуществующий мир. Бросали на это все свои силы, деньги… А ты – ты их просто обманывала. Потому что идеального мира не существует.

– Не понимаю… – опустила она глаза.

Однако Димитрис, кажется, понимал – он жарко воскликнул:

– Но ведь художники – они тоже создают собственный мир! И писатели! И скульпторы! И актеры! Они все творят иллюзию! Но их никто за это не осуждает!..

И бедняжка нарвался. Потому что странный старик перевел на него взгляд своих водянистых глаз и устало сказал:

– Ты такой еще мальчик, Димитрис… Что ты хочешь от меня услышать? Что это совсем не твоя женщина? Что такая, как она, просто использует тебя и выбросит, словно старую тряпку?

Димитрис мигом поник, потух.

А старик властно велел:

– Уходите.

И повернулся к ним спиной.

– Но подождите, отец Стелиос! – потерянно воскликнул Димитрис.

Однако тот даже не шевельнулся. А страшный пес Джек вскинул голову и предупреждающе зарычал. Оставалось лишь уйти.

…И пока оба возвращались по влажному прибрежному песку в Хору, никто из них не проронил ни слова. Только на самом пороге дома девушка удержала Димитриса за рукав и жалобно спросила:

– Ну скажи мне. Пожалуйста. Кто такой Стелиос? Шарлатан? Сумасшедший? Преступник? Чем он занимается? И почему он живет один, в заброшенной деревне?

Парень глубоко вздохнул и ответил:

– Может быть, Стелиос действительно сумасшедший. Но только он еще никогда не ошибался.

Печально взглянул ей в глаза и добавил:

– Я теперь буду молиться, чтобы ты никогда не вспомнила своего прошлого.

– Но почему? – вскричала она.

Димитрис же со стариковской мудростью произнес:

– Потому что, когда ты его вспомнишь, я тебе стану не нужен.

* * *

И потянулись дни на острове.

Они с Димитрисом вставали и выходили из его дома на горе еще затемно. Спускались вниз, в бухту – пятьсот восемьдесят ступеней, однажды подсчитала она – под посвист ветра, который с каждым днем становился все более злым и холодным. Чтобы она не мерзла, парень отдал ей свой старый свитер. Димитрис вообще был очень добр к ней, и это ее не очень-то радовало.

В нижнем городе юноша шел на свою работу – в прокат машин и мопедов, а она на свою, в таверну на пляже. С утра посетителей было мало, лишь изредка туристы, ночевавшие на яхтах, добредали до заведения. Но заказывали они обычно только кофе. А девушка готовилась к вечернему наплыву – чистила свежую рыбу и осьминогов, ранним утром купленных хозяином на стоянке рыбацких баркасов. Потом принималась мыть посуду. Работа, конечно, ужасная. Единственный плюс – можно выполнять ее автоматически, а самой по ходу дела думать, размышлять, пытаться вспомнить… Вот только ничего нового в голове ее так и не всплывало, кроме тех образов, что явились в первый же день: гигантский пароход с затененными стеклами кают. И еще: необитаемый остров с косо сидящим на нем вертолетом. И ничего больше. Да, наверно, она русская, но кем была в своей стране? Где жила? Чем занималась?.. Посуду не мыла – это точно. Но какая у нее в действительности профессия? Может быть, правду говорил старик Стелиос про автографы, софиты, вспышки? Что она была моделью или актрисой? И про мальчика в яблоневом саду?

Неотвязные и безответные мысли о прошлом точили ее, тревожили, мучили. И эта полная беспомощность иногда просто начинала ее бесить. (Ей уже удалось – не вспомнить, но почувствовать, что в предыдущей, забытой своей жизни она приходила в ярость довольно легко.)

А в долгий, трехчасовой обеденный перерыв девушка обязательно шла в марину – яхтенный порт. Там швартовались прибывшие на остров новые яхты. Она вслушивалась в речь путешественников, пыталась увидеть знакомые лица, уловить родные голоса. Но нет – яхтсмены говорили либо на знакомых, но чужих языках – английском, французском, либо на совсем непонятных. Однажды на пирсе в ее мозгу возникло воспоминание: «Я, как Ассоль, жду шхуны с алыми парусами».

Но кто такая эта Ассоль? И почему она ждала краснопарусный корабль? Кажется, это просто какая-то книга. Романтический – и несбыточный – образ.

Вечером в таверну, где она трудилась, приходил Димитрис. Он о чем-то коротко говорил с хозяином, и после толковища тот вручал ей, с неизменным вздохом, ее ежедневный гонорар – пятнадцать евро. Потом для них двоих накрывали бумажной скатертью стол у воды. Расплачивался за ужин непременно Димитрис, он и слышать не хотел, чтобы заплатила девушка, – и это стало еще одной проблемой.

Пока сидели в таверне, Димитрис рассказывал о себе. Жизнь его оказалась небогатой событиями и приключениями, да и просто коротка. Родители умерли так рано, что их он почти не помнил. Он учился в школе, играл с парнями в футбол и ловил рыбу и кальмаров. Только один раз был на материке – их класс возили на экскурсию в Афины. Юноша очень гордился, что знает английский и благодаря этому получил работу в прокате. Впрочем, словарный запас его был скуден, как и жизненный опыт. Но как она могла его судить! Ведь ей не удавалось и вовсе ничего поведать о себе!

А самой большой проблемой были их ночи – в одной на двоих душной комнате. Когда они поднимались в городок на горе – уже за полночь, старуха обычно спала, высвистывала за загородкой свои рулады. Димитрис всегда пытался этим воспользоваться. Хотя и мальчик совсем, а рассуждал иногда мудро, шутил:

– Банни! Ну почему ты упрямишься? Разве не понимаешь, что мы с тобой просто созданы друг для друга? Тебя смущает, что формально я молод, но ты ведь, получается, куда моложе меня! Совсем ребенок, раз ничего не знаешь – ни о жизни, ни о себе!…А может, – он лукаво смотрел ей в глаза, – ты вообще еще девственница?

И подобные разговоры бесили ее.

«Может быть, дать ему просто для того, чтобы отвязался?» – мелькала иногда мысль.

Но девушка откуда-то – не помнила, но знала: в своей прежней жизни она никому не давала по столь банальной причине.

* * *

В один прекрасный день ей все надоело окончательно.

«Мыть посуду хорошо только в собственном доме».

Эта мысль преследовала ее с самого утра.

Девушка, правда, не знала, есть ли он у нее, этот дом, и был ли когда-нибудь, но в любом случае – убирать за чужими ее просто достало. Эти посетители таверны как будто соревнуются: кто нагадит больше. Когда едят рыбу – засаливают тарелку со всех сторон, в руки противно взять. Прилепляют к внутренней стороне посуды жевательные резинки. А один темпераментный старичок, постоянный клиент, и вовсе чудит. Коли обед не по душе – демонстративно плюет в тарелку. Противно ужасно, а что поделаешь? Глаза долу – и отмывай.

…И когда миляга Димитрис уговаривает ее навсегда остаться на острове (а речи на эту тему он заводит как минимум пару раз на дню), она уже еле сдерживается, чтоб не рассмеяться ему в лицо. Сам по себе остров, может, и неплох, да и Димитрис довольно симпатичный юноша, и в постели, наверно, горяч и ласков, хоть и неопытен, но простоять над этой отвратительной раковиной до конца жизни? А другой работы здесь, без знания греческого языка, без регалий с дипломами – и даже без имени! – ей не найти вовек.

…И ладно бы просто мытье посуды, неприятное, бесперспективное занятие! Но ведь посудомойка – самое распоследнее лицо даже в иерархии распоследней таверны. Официантки – и те главнее! Им позволяется шутить с клиентами, кокетничать, особо нахальных припугивать, а редких на острове пьянчуг просто не пускать на порог. А посудомойка – вообще никто. Но только (хоть этого никак не докажешь) она знала, чувствовала: в своей прошлой жизни она занималась совсем другим. Как там говорил колдун Стелиос? Подиумы, блеск софитов, поклонники?.. Вряд ли она, конечно, была топ-моделью, но за чужими не подтирала – точно. Ей даже порой казалось, что у нее самой домработница была… А может, и повар… А то и целый штат прислуги… Или это все ее фантазии?

В любом случае она просто дни считала, когда сможет покончить с ненавистной посудой.

Но ей были нужны хотя бы минимальные сбережения, иной работы никто не предлагал, поэтому она продолжала бултыхать посуду в старой треснувшей раковине.

И все чаще это занятие вместо умиротворения, как в первые дни, приводило ее в несусветную ярость.

…Вот и тем днем с раннего утра все пошло наперекосяк. Не успела заступить на свой пост – повар принес подгоревшие сковороды. И нет бы виновато улыбнуться: мол, извините, за ставридой не углядел – еще и грозит:

– Имей в виду: это тефлон. Чисти аккуратно. Хоть одну царапину увижу – скажу хозяину, чтоб из твоей зарплаты вычел.

А едва она избавилась от сковородок, как в зале какая-то бабуся скандал закатила. Вопила на всю таверну и все грозила иссохшим перстом в сторону кухни, спешно вызванный повар прижимал руки к груди и отрицательно вертел головой: не моя, мол, вина. По-гречески девушка не понимала, но официантка Наташа со снисходительным сочувствием объяснила: старушка якобы на своей тарелке недомытую грязь углядела. И все шишки, конечно, опять на бессловесную (во всех смыслах!) посудомойку.

Когда наконец прошло время завтрака, миновал обеденный перерыв и девушка присела передохнуть перед вечерними посетителями, в кухню заглянула все та же Наташка. И со своим немыслимым деревенским акцентом произнесла:

– Ты сейчас совсем обалдеешь.

– Да я уже… – пробормотала девушка, однако подавальщица ее реплики не расслышала. Поманила пальцем, жарко зашептала:

– Пойдем со мной, что покажу…

…В обеденный зал ее обычно не вызывали, такое было. Даже когда бабка скандалила из-за недомытой якобы посуды – перед той повар оправдывался. И сейчас, раз говорят выйти, – повод явно не из приятных. Наверняка очередной посетитель напакостил так, что даже официантки убирать за ним брезгуют, передоверяют миссию нижайшему из чинов.

А посудомойка – та от любой работы отказываться не вправе. Начнешь возражать – мигом лишат заветных ежедневных пятнадцати евриков или вовсе выгонят.

Потому только и оставалось со вздохом последовать вслед за Наташкой.

Девушки прошли в зал. Сейчас, в пять вечера, посетителей почти не было. Занятым оказался единственный столик. И сидел за ним…

Сердце екнуло. То был прекрасно сложенный, каждая мышца прорисована, мужчина. Стильные джинсы, небрежно застегнутая на несколько пуговиц клетчатая рубашка. А какое лицо! Ничего античного, греческого – совсем другой тип, скорее скандинав. Хищный взор ярко-зеленых глаз. Чуть кривой (явно неудачно поучаствовал в драке) нос. Развратные, манящие губы… Короче, сразу видно – омерзительный, но дико сексуальный тип.

«Рассел Кроу», – вдруг мелькнуло в мозгу.

Девушка никак не могла вспомнить, кто он, человек по имени Рассел Кроу, но остатки памяти свидетельствовали: когда-то, в давно ушедшей жизни, она, может, и не была с ним знакома, но часто представляла его в своих самых смелых фантазиях!..

Заслышав их шаги, «Рассел» вскинул голову, мимолетно мазнул взглядом – и отвернулся. Смотрел-то на нее всего долю секунды, но в животе уже сладко заныло. И еще в голове пронеслось: «С Димитрисом его точно не сравнить!»

Она в недоумении взглянула на сопровождавшую официантку. Вряд ли та была настолько мила, что позвала ее полюбоваться на бог весть как залетевшего в их таверну красавца. И, конечно, она оказалась права в своих подозрениях, потому что Наташка жарко зашептала в ухо:

– Хочу просто, чтоб ты прикололась! Совсем обнаглели, буржуи! Смотри, возле стола!..

И посудомойка увидела: незнакомца, оказалось, сопровождал пес. Огромный, надменный, страшный. И главное – она уже встречала эту собаку. В доме у колдуна Стелиоса. Кажется, пса звали Джеком.

Но какое, интересно, отношение имеет симпатичный мужчина североевропейской внешности к старому греку-колдуну? И почему явился в таверну с его псом?..

– У нас с животными вообще нельзя, а тут хозяин сказал: «Пусть!» – наябедничала в ухо Наташка. – Конечно, убирать-то не ему – нам… Смотри, гадость какая…

И девушка наконец разглядела, что именно вызвало гнев Натальи.

Отвратительный черный пес тоже закусывал. Он поместил морду в большую тарелку (в таких здесь подавали жареный на гриле стейк). И жадно пережевывал мясо – слюни во все стороны летели.

Действительно противно, особенно если учесть, что они из этих тарелок посетителей кормят. Да и сами едят.

– И все молчат… – вырвалось у посудомойки.

– А что поделаешь? – меланхолично пробормотала Наталья. – Хозяин сказал – этому можно.

Пес подавился. Закашлялся. Выплюнул на тарелку кусок непережеванного мяса.

– Тьфу! – Наташку передернуло.

А посудомойка неожиданно даже для себя самой кинулась к столу, где сидел красавчик.

Какая муха ее укусила? Просто нервы сдали? Захотелось стереть с лица посетителя высокомерную, насмешливую улыбку? Или… или в своей прошлой жизни она всегда знакомилась с интересующими ее мужчинами сама – и столь экстравагантно?..

– Куда ты? – пискнула вслед Наташа. – Не связывайся!

Но она уже не слышала. В ту минуту она совсем забыла, что здесь никто и звать ее никак. И что в прошлой жизни она, кажется, боялась собак.

Сейчас ей просто было противно, противно до жути. И она подлетела к красавчику и гневно выпалила – на английском:

– You! You will wash this plate! With chlorine![2 - Ты сам вымоешь эту тарелку! С хлоркой! (англ.)]

Негодяй же вскинул на нее свои беспечные ярко-зеленые, наверняка за счет тонированных контактных линз, глаза и с очаровательной улыбкой произнес:

– Oh, don’t bother! Jack is my friend, and he is much cleaner than some people![3 - Да ладно вам! Джек – мой друг, и он почище иных людей! (англ.)]

Последовал презрительный взгляд на ее не самую свежую униформу.

Вот и поставили на место. Может, в прошлой жизни тебя, деточка, кто-нибудь и боялся, но вдруг обретшая дар речи посудомойщица вряд ли кого испугает.

…Она хотела наговорить ему еще много чего, но вдруг почувствовала, как к горлу противным комом подступают слезы. От усталости, от обиды, от злости – на всех посетителей вообще и особенно на этого – явно успешного, холеного, самовлюбленного. Который непроходимо самоуверен и считает себя столь неописуемым красавцем, что может творить что угодно. А главное – посмотрел на нее абсолютно равнодушно. Будто на предмет мебели. Да он на своего Джека ласковей смотрит!

И тогда она совершила еще один совсем уж нелогичный поступок. Резким ударом ноги выбила тарелку из-под морды пса – тот, умиротворенный сытным обедом и спокойной обстановкой, мешать ей не стал, даже не рыкнул. А потом изо всех сил ударила ее пяткой туфли. Раздался звон разлетающегося стекла, Джек угрожающе взревел… а дальше девушка увидела, как незнакомец срывается с места. И в мощном броске буквально валится на своего пса. Одной рукой перехватывает его за ошейник, другой – точнее, всем предплечьем наваливается на мощный собачий корпус. Пес гневно ворчит, вырывается… А посудомойка за своей спиной слышит пораженный голос официантки:

– Нет, ну, я всегда думала, что ты больная… Но не до такой же степени!

И в тот момент девушке больше всего хочется потерять память еще раз. И оказаться где-нибудь далеко-далеко. На другом конце света. За тысячи морских миль от проклятого острова…

– Беги, дура! – продолжает надрываться за ее спиной официантка. – Эта псина тебя сейчас съест!

Но девушка не может сдвинуться с места…

…Однако незнакомец – вопреки мрачному прогнозу – успокаивает своего дога довольно быстро, и вот Джек уже смирно сидит у его ног и лишь буравит незадачливую посудомойку суровым взглядом. А незнакомец наконец отрывает одну руку от собачьей холки и сердито говорит девушке:

– Джек хотел тебя разорвать. И был прав.

Она – испуганная, растерянная, в предвкушении новых, теперь уже непременно последующих от хозяина таверны репрессий, – лишь пожимает плечами:

– А ты в следующий раз корми своего дружка из его собственной плошки, ясно?

…Но вот и хозяин: привлеченный криками, врывается в обеденный зал, мгновенно оценивает диспозицию, налетает на нее с гневной тирадой… однако незнакомец одним властным движением руки отсылает его прочь.

И хотя хозяин прежде всегда заявлял, что в своей таверне не признает никаких авторитетов, сейчас он покорно повинуется, а ему вслед несется:

– И позови кого-нибудь, чтобы осколки убрали.

И, о бальзам на душу посудомойки, последней спицы в колесе: Наташка у ее ног сгребает щеткой осколки…

Незнакомец же протягивает ей правую руку (левой он по-прежнему придерживает оскорбленного Джека) и, небрежно улыбаясь, произносит:

– Я – Зет.

Рука оказывается жесткой, однако ногти обрезаны аккуратно, и девушке вдруг становится ужасно стыдно за свои ладони – шершавые от мыльной воды, со

множеством заусенцев.

И мужчина вопреки мнению, что сильный пол на маникюр не смотрит, кажется, замечает ее неухоженные руки. И ее смущение.

– Я… я… – Девушка слегка теряется, не зная, как представиться.

А красавец по-своему оценивает ее смущение и небрежно говорит:

– Послушай. Посудомоечная машина стоит каких-то пятьсот евро. Неужели в этом жалком кафе нет элементарной техники?

Пятьсот евро, смутно помнила она, когда-то и для нее были отнюдь не критической суммой. Однако сейчас все совсем по-другому, и девушка решает обратить все в шутку:

– Когда хозяин меня нанимал, он сказал: будь здесь посудомоечная машина, я б тебя не взял. Но мне повезло – машины нет, поэтому я получила шанс заработать.

Она вновь улыбается, но улыбка выходит жалкой.

А Зет вдруг с удивлением произносит:

– Слушай, но ты ведь совсем не уродина!

(Похоже, он считает, что сказал комплимент.)

– И на лице у тебя написано, что ты окончила как минимум колледж. Какого ж черта ты моешь посуду в этой поганой таверне?

Девушка лишь пожимает плечами – оправдываться она не намерена.

Зет внимательно смотрит на нее и произносит:

– Или ты сбежала от несчастной любви? Но почему, о боги, в такую дыру?

Ей бы очень хотелось ему объяснить. Одна беда: красавчик Зет все равно не поймет. Такие, как он, умеют слушать только себя. И потому девушка лишь пожимает плечами:

– Так получилось.

И зачем-то добавляет:

– Но так будет не всегда, понял?

А по лицу мужчины вдруг разливается догадка:

– Послушай-ка… Такая чудила – явно одна на весь остров… О, я, кажется, понял! Не ты ли – та самая забывчивая? Как это Стелиос говорил… красавица, что продает иллюзии?!

– Кто? – Она против воли краснеет. – Кто я?

Девушка почему-то не сомневалась, что никто, кроме нее, Димитриса и отца Стелиоса, не будет знать о том злосчастном сеансе ясновидения. Однако Зет в курсе. Они со Стелиосом, похоже, вообще приятели, раз красавчик выгуливает его собаку… И сейчас этот Зет явно смеется над ней:

– Ну да, та самая загадочная, потерявшая память нимфа. Стелиос мне про тебя все уши прожужжал. Только я почему-то представлял, что нимфы выглядят совсем по-другому. Невесомый, вытканный из морской пены, покров… А на тебе – передник, и не самый чистый…

Кажется, он просто издевается над ней. Беззлобно. И когда-то – девушка это знала, чувствовала! – она умела прекрасно справляться с такими вот нахалами, которые страшно гордятся своими, прямо скажем, плосковатыми остротами. Отшивала их на раз, два, три. Но тогда – в прошлой жизни – она была если не звездой, то значимой фигурой. А огрызающаяся посудомойка – это нонсенс.

Хотя огрызнуться никогда не помешает. Тем более что еще одна мысль мелькнула. Мужчина ведь зачем-то явился именно в их таверну. И явно прежде слышал о ней, потерявшей память. И сам с нею заговорил. С теми же, кто по

жизни полный ноль, не беседуют. Их просто не замечают.

Она внимательно взглянула на него. Произнесла:

– Кто вы такой, Зет?

– А кто такая вы, леди? – в тон ей проговорил тот.

В ответ на подобные вопросы – она тоже помнила из своего почти стертого из памяти прошлого – полагается загадочно улыбаться. Но только в том случае, если в сумочке у тебя – визитные карточки со всеми твоими титулами. А у нее улыбка получилась жалкой. Снова объяснять: «Я – никто? Я – не помню?»

И она сказала, изо всех сил стараясь, чтобы получилось как можно беспечнее:

– Ваш друг Стелиос считает, что когда-то я была звездой…

А Зет, противная сволочь, усмехнулся, снова окинул взглядом ее непрезентабельную одежду и насмешливо произнес:

– Но, похоже, звезда уже закатилась.

Да, в этой пикировке она теряет очко за очком. А продолжать заведомо проигрышную партию – бессмысленно.

И тогда она постаралась выдавить из себя еще одну улыбку. Пробормотала:

– Спасибо, что не дали вашему Джеку меня растерзать…

И отправилась восвояси, на свою кухню.

И услышала, как Зет ей в спину кричит:

– Эй, нимфа! А поцелуй? В благодарность за спасение?

Но она, конечно, даже не обернулась, только громко дверью в подсобку шарахнула. Хотя, чего уж скрывать, прильнуть губами к губам Зета ей вдруг ох как захотелось! Но только не сейчас. Не когда она вся взмыленная после бесконечной возни на кухне и в грязном переднике…

* * *

Весь остаток дня она была будто натянутая струна и грохотала тарелками с таким остервенением, что никто из коллег к ней даже подойти не осмеливался. Хозяина, правда, грозным видом не смутишь, но тот, что удивительно, сегодня (невзирая на разбитую тарелку) не сказал ей ни слова упрека, а всегдашние пятнадцать евро вручил ей по окончании рабочего дня даже с неким подобием улыбки.

И Димитрис, когда зашел за ней вечером, взглянул удивленно. А когда, по обыкновению, они сели вместе ужинать, тут же спросил:

– Что случилось?

Она могла бы рассказать ему, однако лишь буркнула:

– Ничего.

Не объяснять же бедняге, что она до сих пор вся кипит от гнева. Злится и на хама Зета, и на собственное глупое поведение. А пуще всего на то, что до сих пор стоят перед глазами пухлые, развратные губы… скошенный нос… насмешливые глаза неестественно зеленого цвета. Он красив, этот Рассел-Кроу-Зет. И ей хотелось бы сейчас быть рядом с ним. Чтобы он подливал ей вино, и улыбался, и говорил комплименты, и слегка насмешничал…

…Но от Димитриса так просто не отделаешься.

– Может… Может, тебе удалось вспомнить? Что-то еще, банни? – тревожится он.

А она – про себя, конечно! – отвечает: «Да нет, ничего. Кроме того, что в своей прошлой жизни я наверняка была безмозглой курицей. Из тех, что живут по пословице: „Бьет – значит, любит“. Этот Зет ведь просто самовлюбленный хам.

Но никак у меня из головы не выходит…»

А вечером, когда они с Димитрисом оказались дома, девушка поступила назло. Назло негодяю Зету – и себе самой. Она впервые не отказалась выпить домашнего вина и улыбалась словам Димитриса о любви, звучавшим сегодня особенно страстно и пронзительно. А ночью – уступила ему.

Мальчик оказался ненасытен в страсти, и утолил ее жажду, и помог сбросить напряжение. Но главным было не это. В один из тех моментов, когда он снова проник в нее и наконец потряс, взбудоражил, взорвал, ей вдруг явился еще один образ из прошлого. Она – в постели, но в объятиях другого мужчины, гораздо более опытного, ласкового и умелого, он так же смугл, как Димитрис, и от него необыкновенно хорошо, одуряюще пахнет парфюмом… Она даже на миг увидела лицо незнакомца – очень красивое, искаженное любовной судорогой…

То был похожий на Зета человек. Похожий не внешне – по сути. Сильный. Уверенный в себе. Чуть насмешливый. Которого одновременно любишь – и ненавидишь.

Заснуть ей в ту ночь удалось лишь под утро, а ночью приснился – опять! – все тот же сон, который являлся в первую ночь: белый город, очень похожий на тот, где она живет сейчас… И она знает, что в нем живет враг, предатель, мерзавец, ее личный недруг. Но в то же время этот человек ведает все. Он знает, что с ней произошло, и у него она может получить отгадки на мучающие ее вопросы: кто она и что с ней случилось…

* * *

А наутро – наутро Димитрис летал, словно на крыльях: дурачился, беспрестанно касался ее, пел, признавался в любви – и требовал ответных признаний. Но что она могла ему сказать? Что он совсем не похож на мужчину ее мечты? Или соврать, что она навеки останется с ним здесь, на острове? Так и не узнав, кто она, откуда, как тут оказалась и что с ней произошло? Оставалось отвечать на его излияния одним: «Мне было хорошо с тобой».

В голове же билось другое: ее жизнь скоро, очень скоро изменится. Должна измениться. Ей просто надоело быть с Димитрисом. И жить на острове тоже

надоело. И еще – хотелось бежать потому, что где-то здесь бродит негодяй Зет. Ей никогда больше не хотелось встречаться с этим человеком – раз заарканить его нет никаких шансов. А шансов нет. Очень уж глупо – и жалко! – она себя с ним повела…

Днем, когда русская (так ее теперь называли в кафе – и белоруска Наташа, и хозяин), по своему обыкновению, отправилась во время сиесты в порт, вдруг чудом возник новый элемент пазла. Он четко лег в ту головоломку ее собственного прошлого, что она мучительно решала. Новые сведения о себе она почерпнула не от людей, судов или флагов, а… из мусорного бака.

* * *

Бачки стояли в месте, где начинался пирс, чтобы яхты, приходившие на постой, могли свалить в них накопившиеся за время плавания отходы. Мусор вывозили не слишком прилежно, вот и сейчас из переполненного контейнера вылетело несколько газет на греческом языке. Их страницы трепетали на ветру. Случайный взгляд русской упал на первую полосу одной из них – и она обомлела. Два снимка оказались мучительно схожи с ее видениями, снами или случайно вспыхивавшими в мозгу редчайшими воспоминаниями.

На первой, цветной фотографии в газете она увидела (причем в том же самом ракурсе, в каком картинка всплывала в ее голове – то есть сбоку и сверху) громадный белый теплоход с затененными стеклами кают, с вертолетом на специальной площадке на корме.

Второй снимок, черно-белый, мутноватый и нерезкий, изображал красивого, элегантного, смугловатого мужчину средних лет, и в нем, несмотря на нечеткость снимка, она узнала знакомые, даже более чем знакомые, – любимые черты. Это лицо – только искаженное любовной судорогой – всплыло в ее мозгу вчера. Этот человек из газеты когда-то был ее любовником!

Девушка попыталась вчитаться в заголовок, в текст – но тщетно. Греческие буквы казались ей знакомыми, но напоминали они скорее об уроках математики (значит, она, по меньшей мере, училась математике): альфа, дельта, сигма, эпсилон… Не поняв ни слова, она подхватила газету и, презрев приличия, помчалась в офис к Димитрису. По пути она только сумела разобрать дату выхода номера – газета оказалась почти трехнедельной давности – и еще

название изображенного на снимке теплохода. Оно было написано на латинице и тоже показалось ей мучительно знакомым: «ПИЛАР».

Русская ворвалась в офис автопроката, носившего морское название «Ankor»[4 - Якорь (англ.).]. По счастью, ни клиентов, ни коллег Димитриса на месте не оказалось. Юноша скучал за стойкой один. Когда он увидел ее, его лицо просияло. Однако когда она бросила перед ним на стойку старую газету и потребовала: «Переведи мне! Пожалуйста! Прямо сейчас!» – глаза юноши сразу потухли. Губы обиженно поджались.

– Что, о тебе пишут в газетах? – обиженно проворчал Димитрис.

– Извини, но мне кажется, что я знаю этот корабль. По-моему, я даже когда-то бывала на его борту.

– Что ж… – Юноша перевел заголовок: – «Взорвана яхта миллиардера, подозреваемого в терроризме». Дальше читать?

– Что написано под снимками? – нетерпеливо спросила девушка.

– Под теплоходом: «Яхта „Пилар“. Под человеком: „Ансар Аль-Кайаль, арабский шейх и мультимиллиардер, подозреваемый спецслужбами США и других стран в терроризме“.

Когда она услышала имя Ансар, сердце ее дрогнуло.

– Дальше переводить?

– Да, да!

– Неужели ты и вправду думаешь, – скептически произнес юноша, – что когда-то каталась на этом судне?

– Неважно! Пожалуйста! Читай!

– Хорошо… «Вчера, двадцать первого сентября, около десяти часов утра по среднеевропейскому времени в Средиземном море, примерно в ста пятидесяти

морских милях севернее побережья Африки, взорвалась яхта „Пилар“, принадлежавшая арабскому шейху и мультимиллиардеру Ансару Аль-Кайаль. Аль-Кайаль, подозреваемый спецслужбами США в связях с террористами и финансировании движения „Аль Каида“, предположительно находился на борту яхты и погиб. На „Пилар“, ориентировочной стоимостью около ста пятидесяти миллионов евро, находилось также не менее десяти человек экипажа. Все они, вероятней всего, тоже погибли. Причина взрыва теплохода пока неизвестна. Ни одно из правительств или спецслужб не заявило о своей причастности к нему, однако на Интернет-сайте, связанном с исламскими фундаменталистами воинственного толка, появилось заявление, в котором ответственность за взрыв возлагается на Белый дом и ЦРУ. „Шейху, – говорится в заявлении, – отомстили за его поддержку нашего правого дела“. В результате спасательной операции, которую примерно через два часа после взрыва развернули находившиеся поблизости сухогруз „Дайна“ и малый танкер „Меркури“, не было обнаружено ни одного человека, кто уцелел бы при взрыве. Сейчас, в момент подписания номера, к месту взрыва подходят спасательные суда ВМС Греции».

– Ты слышал?! – воскликнула девушка, когда Димитрис закончил. – Ты раньше слышал об этом?

– Ну, слышал, – нехотя признался юноша.

– Почему ж ты мне ничего не сказал?!

– А при чем здесь ты? Неужели ты всерьез думаешь, что можешь быть связана с этой историей?! Да ты и правда сумасшедшая! Тут же написано: «Никто не выжил»! Да и потом, где мы, а где северное побережье Африки?! От нашего островка до места катастрофы – как минимум шестьсот миль, это почти тысяча километров! Неужели ты думаешь, что могла сама вплавь, или на плотике, или на спасательной лодке, преодолеть такое гигантское расстояние?

– Почему нет? – упрямо поджала губы она.

– Ну, ты точно ненормальная! Ты, наверное, и вовсе никогда не была в море, раз тебе в голову может прийти подобная белиберда! И по времени не совпадает: это три недели назад случилось, а ты на острове совсем недавно. Говорю тебе: ты к этой истории не имеешь отношения никаким боком. Да и кто бы тебя взял на миллионерскую яхту?!

– Что ж, спасибо за перевод, – ледяным голосом промолвила русская, сгребла с прилавка газету и направилась к выходу.

Димитрис выскочил из-за стойки.

– Постой! Постой, э-э, русская! Подожди! Прости меня! Извини, что я тебя обидел!

Но чем больше извинялся перед ней Димитрис – тем более жалко он выглядел. «Кто бы тебя взял на миллионерскую яхту?!» Какая наглость!»

Девушка отодвинула незадачливого любовника и, поджав губы, вышла в жаркий средиземноморский день.

* * *

Все! Хватит! С нее довольно этого острова, довольно Димитриса! Бежать отсюда! Ей надоело мыть посуду и чистить рыбу!

Она остановилась и пересчитала наличность. Пятьдесят евро и мелочь. Негусто. Заработала она, конечно, больше, но ведь пришлось и тратиться. Понадобилось купить себе кроссовки, блузку, зубную щетку, единственный, на день и ночь, крем, кое-что из белья – самое дешевое, в жалкой лавчонке вдали от моря. И даже без косметики она решила обойтись – зачем она посудомойке?

Решительным шагом Русская дошла до порта. Плюхнулась за столик в захаропластио[5 - Кафе-кондитерская.]. Раньше она обходила кондитерскую стороной – не считала, что может себе позволить сладкие излишества. Но теперь… Теперь ей плевать. Хватит рабства и экономии! Она заказала греческий кофе и баклаву.

Что ж, пятидесяти евро ей будет довольно, чтобы добраться до Афин и до русского консульства. Непонятно только, как объяснять, кто она и как попала в Грецию? Как доказывать, что она является российской подданной? Сослаться на официантку Наташу? («А говор у тебя москальский».)

И еще проблема: паром на Пирей придет только завтра, а оставаться на острове не хотелось больше ни секунды. Но… Если честно, в Афины ей тоже не хотелось. Вся душа ее прямо-таки противилась мысли, что ей придется вернуться на Родину – Родину, которую она совсем не помнила. «Потом, кто знает: может, я преступница? Террористка? Нахожусь в розыске? Ведь не случайно мне знаком корабль „Пилар“ и его хозяин, а он, если верить греческой газете, миллиардер и террорист».

В кафе заглянули трое молодых людей: два парня и девушка. С первого же взгляда на них, с первых звуков их речи девушка поняла, что они французы. И что пришли они на остров на яхте: слишком уж загорелыми были их лица. Вдобавок пришельцы и по природе были смугловаты: жгуче-черные вьющиеся волосы, темные, как маслины, глаза – их вполне можно было принять за местных уроженцев греков, если бы не врожденное изящество и изысканность, с какой они носили даже самую простую спортивную одежду… К тому же разноцветные платочки на шеях, дизайнерские солнечные очки… Тут девушка поймала себя на мысли: она не помнит, как ее зовут и откуда она родом, но знает, как выглядят дорогие очки и чем они отличаются от дешевых: не правда ли, странно? Наверно, не ошибся безумный старый колдун, и в прошлом она действительно была моделью. Что ж, судя по внешности – очень может быть. Вон и два парня-француза сразу же сделали на нее стойку, бросают жгучие взгляды – и как им только позволяет отвлекаться на постороннюю девчонку их спутница? Впрочем, французы известные распутники, подумала она и снова мысленно осеклась.

Откуда ей, спрашивается, известно, что галлы изысканны и неразборчивы в любви? Почему она многое знает об общем: терроризме, ЦРУ, дизайнерских очках, французских нравах? Почему она умеет худо-бедно мыть посуду и чистить рыбу и ничего не ведает о частном? О своей собственной личной жизни?

Тут от троицы французов отделился парень – самый симпатичный – и подошел к ее столику.

– Простите, – спросил он по-английски, – вы не знаете, где здесь находится прокат машин?

«Знаю, – она усмехнулась про себя, – путь туда вы найдете по дорожке из моих слез».

А вслух ответила:

– Могу я узнать, зачем вам на таком крохотном острове машина?

– Хотим съездить в верхний город – Хору.

– Обычно туристы поднимаются туда пешком – даже дряхлейшие старики и полные инвалиды. Подумаешь, всего-то пятьсот восемьдесят ступеней.

Девушке нравилась эта троица, нравился парень, подошедший к ней, потому она и устроила с ним изящную пикировку. Куда более изящную, чем у нее получилась с Зетом.

– О! – воскликнул молодой человек. – Вы производите впечатление здешней старожилки.

– Да, – улыбнулась она, – я живу здесь немного дольше, чем мне хочется.

– Могу ли я пригласить вас за наш столик? Я познакомлю вас с моими друзьями.

– Почему нет?

Ее кофе был допит, баклава съедена, счет оплачен – почему бы теперь не продолжить банкет вместе с новым знакомым?

Уже через минуту француз представлял ей своих друзей:

– Эту очаровательную девушку зовут Мадлен, она наш друг, кок и хранительница очага. Жиль, отважный шкипер. Ну, и я, Жан-Пьер, простой матрос.

– Очень приятно, меня зовут… – «И правда, черт побери, как же меня зовут?» – Меня зовут Ассоль, – вдруг выпалила она.

Собственное новое имя ей неожиданно понравилось.

– Ассоль? Какое красивое имя! Вы гречанка?

– Нет, русская.

– О, ваше имя звучит совсем не по-русски! По-моему, у русских в именах полно шипящих: Маш-ш-ша, Даш-ш-ша, Наташ-ш-ша…

– Мои родители были большие оригиналы.

«Одна ложь тянет за собой другую, а вскорости подоспевает третья».

– Давайте выпьем по рюмочке узы[6 - Греческая анисовая водка.], – предложил симпатяга Жан-Пьер.

– За знакомство, – подхватил шкипер Жиль (тоже, впрочем, довольно милый).

Интересно, с кем из них роман у чернявой красотки Мадлен?

– Не рано ли? Два часа дня, – с улыбкой запротестовала новоокрещенная Ассоль.

А сама подумала: «А почему бы и нет? Почему я бежала все это время от выпивки, как черт от ладана? Вчерашнее вино у Димитриса пошло мне на пользу – я хоть что-то вспомнила… Может, новая порция спиртного опять раскрепостит мое подсознание и я еще что-то новенькое о себе узнаю?»

– Я всегда считал, что русские, наоборот, не привыкли отказываться от доброй рюмки. Они большие доки по части выпить чего-нибудь крепкого, – заметил Жиль.

– Фи, капитан, – откликнулся «простой матрос» Жан-Пьер. – От вашего высказывания за морскую милю несет неполиткорректностью, шовинизмом и вульгарным национализмом. Я считаю, что вы должны немедленно принести извинения красавице Ассоль – и в ее лице всему могучему русскому народу.

– Нет уж! – засмеялась представительница «могучего русского народа». – Давайте лучше я, чтобы подтвердить мнение шкипера, соглашусь выхлестать рюмку пресловутой узы.

– Ура, мы достигли консенсуса! – вскричал Жан-Пьер. Из двоих парней он определенно был симпатичнее. – Гораздо быстрее, чем в Европарламенте.

– Вы меня извините, – «Ассоль» бросила взгляд на француженку, – но мне кажется, вы спешите насчет консенсуса. Мадлен ведь пока еще не сказала своего слова.

– Мальчики знают, – хрипло расхохоталась девушка, – что насчет выпивки меня уговаривать не нужно. На подобные предложения я всегда отвечаю «да».

Подозвали официанта, и тот немедленно притащил двухсотграммовую бутылочку узы и ведерко со льдом.

Непонятно отчего, но «Ассоль» оказалось легко с французами – не то что с Димитрисом! – словно они были ее давними закадычными друзьями. Может, простота возникла оттого, что теплые отношения (она чувствовала это) царили между всей этой троицей? Или потому, что они были (в отличие от юного грека) примерно ее ровесниками? И никто из них (в отличие от надменного Зета) не мнил себя властителем мира и писаным красавцем?

* * *

Они просидели в кафе до пяти. За первой бутылочкой узы последовала вторая, потом – третья. Молочного цвета жидкость (каковой уза делалась, когда в нее добавляли лед) чудесным образом прочищала мозг, веселила и смывала огорчения. Плотной пищи в кондитерской не подавали, поэтому закусывали баклавой и пирожными. Хрупкая Мадлен налегала на сладкое больше всех.

И когда солнце уже садилось, а за столом началось настоящее братание, прозвучала фраза, которой новоявленная Ассоль интуитивно ждала.

– Поедем с нами путешествовать, – предложил ей симпатяга Жан-Пьер.

Мадлен откликнулась первая – ни тени неудовольствия не появилось на лице девушки:

– И правда! У нас есть лишняя, совершенно пустая каюта!

– Ты сама сказала, Ассоль, что живешь здесь чересчур долго! Неужели тебе не надоел этот остров?! Едем, едем, едем! – с энтузиазмом вскричал шкипер Жиль.

– Прямо сейчас! – поддержал Жан-Пьер. – По местам стоять, с якоря сниматься!!

Мысль сбежать с острова в компании с симпатичными французами оказалась вдруг настолько мила «Ассоли», что она ни секунды не стала ломаться:

– А что, я согласна!

– Решено! – воскликнул Жиль. – Мадлен, наша любимая маркитантка, давай: плати по счетам из нашей общей судовой кассы – и марш-марш на пристань!

– Господа! – попыталась дать задний ход русская. – Я боюсь показаться бес-такт-ной, но все мы сейчас немножко выпили…

– Чепуха! – отмахнулся Жан-Пьер. – В море дорожной полиции не бывает. В трубочку дышать никто не заставит.

– Не в том дело, – продолжила свою мысль девушка, – вы предс-ставьте себе другое: вы просыпаетесь завтра утром на своей яхте – и кого вы видите? Совершенно постороннего человека в лице меня! «Пфуф, – думаете вы, – да как она сюда попала? Да кто она такая? Не бросить ли нам ее за борт, на корм рыбам? Не вздернуть ли этого незаконно проникшего сюда зайца на рее?»

– Не бойся, – Мадлен, сидевшая рядом, обняла ее за плечи. – Наутро я всегда помню все, что происходило вечером. Я расскажу им, что мы, все трое, тебя радушно пригласили. У нас был конс-сенс-сус.

– Но в качестве кого вы берете меня на свою яхту?

– Хочешь – будешь матросом, – молвил Жиль.

– Хочешь – пассажиром, – дополнила француженка, – а хочешь – я уступлю тебе обязанности кока.

– Я не только это имею в виду, – шепнула «Ассоль» в ушко Мадлен, та кивнула (мол, понимаю), и тогда обе встали и отправились в туалет – посекретничать.

И Мадлен поведала ей: они, все трое (как ни странно сие звучит и как ни сложно было в это поверить!) – просто друзья.

– Да, я, конечно, попробовала, – как о само собой разумеющемся рассказала француженка, – переспать сначала с Жилем, а потом с Жан-Пьером, но, знаешь, не зацепило. Никого из нас. И мы решили остаться просто друзьями. По-моему, такая ситуация всех устраивает. Поэтому оба они свободны: что шкипер, что матрос. Дерзай, Ассоль! Да, кстати: они не гомики (хотя, может, тоже разик друг с другом побаловались) – а я не лесбиянка. Тут тебе бояться (или ловить) нечего.

– Что ж, спасибо за откровенность, – сказала русская.

Она начала стремительно трезветь. Ей требовалось срочно протрезветь.

– Значит, ты считаешь нормальным, если я поеду с вами?

– Почему нет?

– Хорошо. Но у меня здесь, на острове, есть еще одно маленькое дельце.

– Собрать вещи?

– Нет.

– Нет?

– Я путешествую налегке.

– Тогда что же?

– Надо кое с кем попрощаться.

– Может, лучше уйти по-английски?

– Нет, это было бы очень неудобно.

– Тогда не затягивай. Когда прощаешься – особенно навсегда! – не надо рассусоливать. Тут закон такой: чем быстрее – тем лучше, – промолвила мудрая (не по годам – выглядела она меньше, чем на тридцать) Мадлен.

* * *

Когда Димитрис увидел русскую, подходившую – во второй раз за день! – к его прокату, сердце его болезненно сжалось. Им овладело нехорошее предчувствие. Очень нехорошее.

Девушка выглядела решительной и – что странно – пьяноватой.

Юноша выскочил из здания офиса. Посетителей все равно не было – мертвый сезон, скоро контору вовсе закроют на зиму, – но сейчас в ней сидел бухгалтер, подбивал баланс. У дверей Димитрис столкнулся с возлюбленной нос к носу.

– Димитрис, – без обиняков сказала она, – мне надо уехать.

Внутри у него все оборвалось. Он не знал, что ответить.

– Ты очень мне помог, – продолжила она, – ты меня выручил, и я очень благодарна тебе. И еще: мне было с тобой хорошо. Но я… Я не могу сидеть на острове целую вечность. Прости. Как-нибудь еще свидимся.

Ее надо было остановить. Разубедить. Но как? И парень только прохныкал, как маленький мальчик:

– Пожалуйста… Пожалуйста, не уезжай…

– Я не могу… Не могу остаться… Я должна понять, кто я. И что со мной стряслось.

– Я не хочу тебя отпускать! – выкрикнул он.

– Я ничего не могу поделать, – сказала она тоном, не оставляющим никакой надежды.

И тогда – тогда он не нашел ничего лучшего, чем опуститься перед ней на колени, обхватить ее бедра руками и уткнуть свое лицо ей в лоно – словно он был маленьким мальчиком, от которого уезжала мама. Редкие прохожие – и бухгалтер через стеклянную витрину – с изумлением смотрели на разыгравшуюся сцену.

– Пожалуйста! – повторил молодой человек. – Пожалуйста, не уезжай! Я не смогу жить без тебя!

Девушка погрузила руки в его шевелюру и стала нежно перебирать волосы – в точности как сегодня ночью, когда он ласкал ее. Тогда ему казалось, что так будет продолжаться вечно, всегда.

– Нет, – проговорила она. – Я не останусь. Пожалуйста, не мучь меня.

И в этот миг Димитрис понял, что это – все, конец, они действительно расстаются, она уходит навсегда, и все бесполезно, и никакие слова ему не помогут, и вдруг почувствовал, как стало холодно и пусто на душе. Тогда он схватил ее за запястья, с силой отвел ее руки от собственной головы. Вскочил.

По лицу девушки текли слезы, и от нее пахло узой. Ему захотелось ударить ее. Но он сдержался и только бросил ледяным тоном: «Прощай!»

Развернулся и вбежал назад, в свою контору.

О боже! Она уходит! Сразу после их первой ночи! И это после всего, что он для нее сделал! Все они, эти женщины, – подлые, неблагодарные твари! Предательницы!

…А когда русская быстрым шагом спешила прочь от прокатной конторы – быстрее, на пирс, на яхту, в море, подальше от маленького, скучного острова, случилось кое-что еще.

Путь ей преградил ее вчерашний знакомец Зет. С насмешкой оглядел ее всю, повел носом, широко улыбнулся:

– О-о, да ты еще и алкоголичка?

– Пошел вон! – коротко выдохнула она.

– Тяжелый день? – продолжал издеваться он. – Устала от грязной посуды? Решила встряхнуться?

– Тебя это не касается.

Она попыталась его обойти, но коварная уза делала свое дело, ноги слегка дрожали, в глазах двоилось. Зет же нахально схватил ее за плечи, снисходительно произнес:

– Впрочем, я б тоже от такой работы запил. Пойдем. Налью тебе еще рюмочку. Ты ведь твердо решила напиться в дымину?

– Слушай, оставь меня в покое!

Ее уже тошнило – и от выпитого, но больше – от его пренебрежительного тона и издевательского взгляда зеленых глаз. И Димитрис, наверно, все видит, ведь она успела отойти всего метров на пятьдесят от прокатной конторы…

Говорить девушка не могла – из последних сил оттолкнула Зета и бросилась прочь. Споткнулась, едва не упала. Зеленоглазый красавчик насмешливо присвистнул ей вслед… А она, пошатываясь, побежала. И, конечно, не заметила, что Зет вовсе не отправился своей дорогой. А, отпустив ее метров на сто, следует за ней.

* * *

В шесть часов пополудни французская яхта снялась с якоря. Наступал вечер, судно не было оснащено радаром, поэтому до темноты они только и успели переплыть на соседний островок и бросить якорь в необитаемой бухте.

Казалось, галлы очень спешили увезти русскую девушку с собой. Но зачем она им вдруг оказалась нужна?

* * *

– Юля, ты сегодня звонишь мне уже третий раз.

– Да! Да! И позвоню еще! Неужели не понимаешь, бесчувственный ты человек! Я не могу ни спать, ни есть, ничего делать, когда не знаю, что с Таней.

– Ее ищут. Ищут все, кто только может.

– «Ищут»! Я слышала это от тебя уже тысячу раз!

– К сожалению, ничего нового я сказать не могу.

– Ты поразительно спокоен! Ну, естественно – Татьяна ведь тебе не родная дочь!

– Юля, ты не права. Ты прекрасно знаешь, как дорога мне Таня. Поэтому воздержись, пожалуйста, от несправедливых обвинений.

– «Воздержись»!.. Ведь это ты – опять ты! – втравил ее в эту историю!

– И опять ты не права.

– Ладно, хорошо: ты всего лишь не возражал, – в голосе немолодой женщины прозвучал горький сарказм, – чтобы она туда отправилась. О чем ты думал? И почему не спросил разрешения у меня, ее матери?

– Спроси лучше себя: почему она с тобой не посоветовалась?

– Намекаешь, что ты ей дороже, чем я?! Да ты просто подлец!

– Я считаю, что наш разговор бесполезен и дальше продолжаться не может.

* * *

Так началось для нее – русской, Ассоли – или кем она была на самом деле? – плавание на французском паруснике.

Галлы называли свое плавсредство «яхтой», однако в ее мозгу сохранились другие ассоциации, и при слове «яхта» рисовался могучий, комфортабельный корабль – может, она и вправду когда-то ходила на той, нынче взорванной «Пилар»? Она с трудом, как сквозь сон или вату, припоминала роскошные спальни, огромные ванные комнаты и гардеробные, забитые модной одеждой. Простор, уют, картины на стенах…

Однако парусник, на котором путешествовала троица галлов, скорее можно было назвать лодочкой: размером она была примерно как большегрузная фура. («Надо же, я прекрасно знаю, что такое фура, но нет ни единого проблеска, когда пытаюсь вспомнить, например, о собственной квартире!»)

Яхта предоставляла экипажу все необходимое для жизни, но, о боже, как же в ней было тесно! Четыре каютки: каждая меньше железнодорожного купе, площадью не более трех квадратных метров. Одну из них, кормовую, предоставили в распоряжение новой путешественницы. Здесь помещались лишь шкафчик для одежды, несколько полочек и кровать под самой переборкой – от постели до потолка не больше полуметра. По ночам, на стоянках, в корму и пирс бились волны, мешали уснуть.

Приходилось экономить пресную воду и электричество. Перед сном всюду отключали свет. Душ Ассоль, правда, принимала, как и весь экипаж, ежедневно, но считала каждую каплю. Зато на камбузе имелась газовая плита, холодильник и можно было сварить кофе и сварганить нехитрый завтрак – этим они с Мадлен занимались по очереди.

Но все бытовые неудобства, и качка, и свист ветра с лихвой компенсировались свободой – от Димитриса с его претензиями, от грязной посуды в таверне. И – красотами природы. Потрясающие пейзажи разворачивались перед ними, пока они плыли, беспрерывно, с утра до вечера. Море сияло темно-синим, небо – светло-голубым. Вид вокруг никогда не был безжизненным. Все время на горизонте или совсем близко были видны острова греческого архипелага Киклады – обычно скалистые, совсем безлесные, иногда с беленькими домиками

на вершинах скал, как на том островке, где она познакомилась с Димитрисом.

Ни разу не шел дождь, постоянно припекало ласковое осеннее солнце, но если бы Мадлен не поделилась с ней кремом от ожогов, лицо облезло бы в первый же день. А с помощью крема оно постепенно и очень быстро приняло шоколадный оттенок. И еще ноги хорошо загорали – во время плавания все ходили в униформе, странной, с точки зрения береговых жителей: теплые непромокаемые куртки прикрывают торс (ей свою запасную одолжил Жиль), зато ниже – шортики и кроссовки. Экипировка вполне оправданная для яхтсменов: почти всегда на яхте дует резкий, студеный ветер, зато палуба теплая, нагревается солнцем, и ногам никогда не бывает холодно. Ну и пусть ветер – что за восхитительное чувство от того, как воздушный поток рвется в парусах, звенит в снастях, наигрывает какую-то нехитрую мелодию… И ты, словно Одиссей или аргонавты, используешь едва ли не самое древнее на свете средство передвижения, и никакой механизм не помогает тебе (и не мешает своим стуком и выхлопными газами), и лодка летит, скользя по волнам, словно серф, – туда, куда направляет ее умелый шкипер!

Вот опять – она помнит про Одиссея и аргонавтов – значит, получила хорошее образование! – зато ничего не помнит о своей собственной жизни…

Новоявленная Ассоль быстро научилась помогать, как и весь экипаж, капитану: набивать или травить шкоты (то есть натягивать с помощью ручной лебедки или ослаблять веревки, управляющие парусами). Порой Жиль доверял ей штурвал – и хвалил, что у нее неплохо получается рулить. А когда ветер стихал и они спускали паруса и включали двигатель, на борту тоже было восхитительно: шкипер врубал автопилот, кораблик плыл сам собой, и можно было загорать на палубе или, обвязавшись веревкой, плыть в восхитительно теплом море за кормой…

И еще Ассоль нравилось швартоваться в какой-нибудь тихой гавани. Она никогда раньше не представляла, что парковка на яхте требует стольких слаженных усилий всего экипажа. Ей обычно доверяли опускать якорь – оказывается, объяснил ей Жиль, плавсредство на месте удерживает не сам якорь, а вся тяжесть улегшейся на дно цепи. Поэтому отдавать (и выбирать) якорь следовало, строго подчиняясь командам капитана – чтобы цепь, не дай бог, не перепуталась с цепями других яхт. Двое остальных матросов – Мадлен и Жан-Пьер – в то же самое время с кормы отдавали на причал концы – швартовые веревки – и попутно с помощью кранцев – больших резиновых шаров –

страховали корпус лодки от столкновения с запаркованными рядом суднами.

По прибытии в новый порт или марину (так называли стоянки для яхт) экипаж с облегчением скидывал с себя теплые и просоленные куртки и, по традиции, выпивал на палубе по банке пива. Потом спускали трап, и Жиль объявлял: «А сейчас увольнение на берег и время для разграбления города – до девяти утра».

Однако на деле французы – как и прочие яхтсмены – оказались людьми мирными. Городов в буквальном или даже переносном смысле никто не грабил. Просиживали часами в тавернах, покупали сувениры, осматривали достопримечательности (если таковые на очередном острове были). Заправляли танки (то есть баки) своей посудины пресной водой, подзаряжали береговым электричеством аккумуляторы.

Девушка – русская? Ассоль? – была как все. В компании французов ела жареные кальмары и фету в тавернах. Ездила на такси обозревать местные красоты – а посмотреть чаще всего находилось что. На одном острове был необыкновенный пляж с черным песком, на другом – причудливые скалы, сплошь из пемзы, на третьем – могила Гомера. И Ассоль наслаждалась путешествием: глазела на достопримечательности, попивала в компании спутников узу и домашнее винцо, восхищенно наблюдала за нереально красивыми морскими рассветами и закатами…

Но одновременно, исподволь, она ждала. Ждала – что вдруг она прозреет. К ней вернется неведомо почему исчезнувшая память. Ждала – что они прибудут на тот остров – явно здесь, в Греции, – где живет человек, по-прежнему снившийся ей каждую ночь. Мужчина, который, как ей казалось, владеет ключом от ее тайн…

Удивительно, но ни один из парней – ни Жан-Пьер, ни Жиль – не пытался ухаживать за ней. А ведь у молодых людей с Мадлен (француженка не соврала) и вправду не было интима – на тесной яхте ничего не скроешь. И галлы, все трое, похоже, и впрямь оказались просто друзьями. И еще Ассоль заметила: она нравится Жан-Пьеру, но… тот не делал ни единого шага ей навстречу. Не предпринимал ни малейшей попытки сблизиться. Почему – девушка не понимала.

Однажды она подслушала разговор между парнями. Беседа шла на французском, оба они считали, что этим языком русская не владеет. Она и в самом деле знала наречие галлов плоховато, но кое-что, с пятое на десятое, все же понимала. И то, что спросил Жиль у Жан-Пьера, она разобрала:

– Почему ты наконец не начнешь ухлестывать за русской?

А тот ответил примерно так:

– Я не привык смешивать любовь и работу.

Странно: значит, она была для Жан-Пьера – работой? Какой еще работой? Почему? А может, она просто неправильно истолковала его слова?

Но как-то во время штилевого перехода произошло следующее – и уж тут не могло быть никаких «трудностей перевода», русская видела все собственными глазами. Автопилот вел лодку заданным курсом, они вчетвером мирно загорали на палубе и лишь иногда посматривали на горизонт: не идет ли какой теплоход встречным курсом. И вдруг откуда-то снизу, из кают-компании, загудел сигнал тревоги. Жиль, загоравший на корме, лениво сказал Жан-Пьеру:

– Кажется, что-то с генератором. Проверь, пожалуйста.

Сам он на всякий случай заглушил двигатель. Яхта легла в дрейф.

Жан-Пьер метнулся по трапу вниз. Русская тоже решила спуститься в трюм, в свою каюту. Раз они дрейфуют, самое время взять полотенце и искупаться… Выходя из каютки, краем глаза заметила: француз отвинтил шурупы, которыми крепился палубный настил, и снял верхнюю часть переборки. Внизу обнаружились какие-то электрические механизмы. Парень что-то подкрутил, и сигнал тревоги умолк.

Но заинтересовало и поразило девушку совсем другое: под палубой, в пазухах между кабелями и трубопроводами, лежали три черных предмета, и в них она без труда опознала три короткоствольных автомата!

Она поспешно отвернулась – как бы Жан-Пьер не заметил! – и взбежала по трапу наверх. Сердце ее застучало. Что означает оружие на борту мирной яхты? Три – на каждого члена экипажа (кроме нее, разумеется) – боевых автомата?

* * *

Этот остров… Уже с моря он показался ей знакомым.

Яхта шла вдоль высоченной скалистой гряды. Резвый ветер, здесь особенно злой, наполнял паруса. До берега было мили две. У кромки прибоя, на рифах, вздымались буруны. А по верху гигантского отвесного каменного утеса – не менее четырехсот метров в высоту – белели домики деревушки и вздымался синий купол православной церкви…

У экипажа сложилась традиция: перед заходом на новый остров прочитывать вслух соответствующую главку из лоции[7 - Лоция – руководство для судоплавания, содержащее описание водных бассейнов, характеристику рельефа дна, опасностей на водных путях и пр. Лоции, предназначенные для яхтсменов, зачастую содержат также сведения, характерные для обычных путеводителей.]. Вот и сейчас Жан-Пьер, развалясь на лавке, с чувством изрек – почти что продекламировал: «Название острова происходит от финикийского слова „скалистый“… Город был построен на горе из-за постоянной угрозы набегов пиратов… Издавна остров являлся местом ссылки… Нынче на нем проживает шестьсот пятьдесят человек…»

– Господи, ну и дыра… – прошептала Мадлен.

– Значит, здесь должна быть аутентичная, не изгаженная туристами кухня, – проговорил вечный оптимист Жиль, стоявший у штурвала.

Они обогнули остров. За двумя торчащими из воды скалами угадывалась небольшая бухта.

– Спускаем паруса, – скомандовал Жиль. – Ассоль, включай движок и становись на руль. Правь точно против ветра – равняйся по вымпелам.

Девушка уже двадцатый раз, наверное, становилась к штурвалу, когда остальные опускали или поднимали паруса, но Жиль всякий раз обязательно замечал, что следует держать курс точно по ветру и равняться не по приборам, а по флагам на мачте. Он вообще любил покомандовать, этот шкипер Жиль…

Когда лодка, постукивая дизельком, вошла в крохотную бухту, сердце у русской екнуло. Она уже где-то видела причал. Точнее, не «где-то», а в своем постоянном, повторяющемся сне… Сне о человеке, который виновен в ее злоключениях и который должен рассказать ей правду… Значит, он оказался вещим, ее ночной кошмар?

– Швартоваться у пирса здесь нельзя, – сказал, изучив лоцию, Жиль. – Будем мешать паромам.

Что ж, они бросили якорь посредине бухточки. С борта хорошо были видны таверны на берегу – большей частью не работавшие – и несколько беленых домиков с наглухо закрытыми синими ставнями. Над городком огромным массивом нависала гора. Солнце уже зашло за нее, и потому все вокруг было залито призрачным сероватым светом. Дул резкий ветер.

– Неприветливое местечко, – прошептал Жан-Пьер.

А русской почему-то подумалось: «Подходящее место жительства для злодея».

Команда не спеша переоделась и выпила на палубе по традиционной банке пива. Потом спустили резиновую лодку, повесили на нее мощный ямаховский мотор – и все вчетвером отправились десантом в полузаброшенный, спящий порт.

Вытащили лодку на крошечный пляжик, пошли вдоль берега в поисках работающей таверны. Ассоль удивилась про себя: «Как можно бросать без присмотра ботик с тысячедолларовым мотором?» – и это еще раз доказывало ее русское происхождение, потому как ни у кого из французов ни малейших опасений по этому поводу не возникло.

Работала лишь одна таверна. Они уселись за столик у кромки воды, в трех метрах от моря. Заказали традиционную греческую еду: жареный сыр, фаршированные перцы, домашнее вино в огромной железной кружке.

Смеркалось и холодало. Пришлось надеть свитера. Как всегда, за едой парни балагурили, смеялись… Но сегодня русская не реагировала на шутки французов. Она чувствовала нарастающее внутри нетерпение и беспокойство.

Наконец обед закончился, и «Ассоль» поспешно встала из-за стола. Она чувствовала, что должна что-то сделать, но не понимала, что именно. Ей казалось, что она приближается к разгадке своей тайны.

– Я пойду поброжу, – сказала она своим спутникам.

– Ты слишком задумчива сегодня, – бросил, внимательно всмотревшись в нее, Жан-Пьер.

– Загадочная русская душа… – хихикнула Мадлен.

– Иди куда хочешь, – пожал плечами Жиль.

Ряд белых домиков с наглухо закрытыми синими ставнями закончился быстро. Асфальтированная дорога вела в гору. Девушка видела, как узкая полоска асфальта круто вздымается, петляет, ползет мимо скал. Ни людей, ни машин. Только горы и ветер.

Вдруг снизу, из порта, донесся натужный рокот двигателя. Девушка оглянулась. По дороге подползал древний автобус. Подчиняясь внезапно возникшему решению, она подняла руку. Автобус, кряхтя, остановился. «Ассоль» вошла с передней площадки. В машине кроме водителя – столь же дряхлого, как и его транспортное средство, – находились всего двое: пожилая чета, судя по виду, американцы.

– Могу ли я доехать до верхнего города? – спросила русская водителя.

– Легко! – ответил тот по-английски. – С вас полтора евро.

Она отсчитала мелочь и села на переднее сиденье.

Автобус, издавая скрежет и трубные звуки, потащился в гору. Дорога петляла, огибая гигантскую скалу. Гора возвышалась справа на много метров, а слева

вдоль асфальта тянулась пропасть. На опасном повороте стояла бело-синяя часовенка. У входа перед образом Богоматери горела лампадка. «Я действительно русская и, наверно, православная, – подумала девушка, – поэтому мне столь приятно видеть эти бесчисленные греческие церкви».

А автобус карабкался все выше и выше. Совсем стемнело – быстро, как бывает только на юге. Ни единой машины не встретилось им: ни во встречном, ни в попутном направлении. Американская ветхая парочка, сидевшая позади, переговаривалась между собой. Девушка прислушалась: туристы впечатлялись пейзажем – скалами и опасным серпантином. Пожилая мадам проговорила: «It’s really the end of the world!»[8 - «Это настоящий край света!»] Русская не могла с ней в душе не согласиться.

Наконец штурм горы закончился. Автобус, казалось, с облегчением ввалился на узкую улочку бело-голубого городка – того самого, что был некогда построен на самом гребне скалы для защиты от пиратов.

Впрочем, теперь вокруг царили мир и уныние. Магазины закрыты, прохожих почти нет. Автобус не спеша миновал здание школы – в ее дворе при свете электрических фонарей греческие подростки рубились в настольный теннис.

– Финиш! – гордо объявил во всеуслышание шофер.

Девушка спросила, когда он поедет – если поедет – назад, в порт. Оказалось, в половине десятого, и то будет его последний на сегодня рейс. «У меня есть два часа, – поняла она. – Два часа – чтобы сделать – что?» На этот вопрос «Ассоль» не могла ответить. И не имела представления, что ей предпринять. Однако почему-то чувствовала, что близка к разгадке своей тайны – какой бы та ни была.

Городок состоял из нескольких узких улиц и пары площадей. И на улочках, и на площадях, прямо на дороге стояли столы. Греки и немногочисленные туристы ужинали, выпивали или лакомились десертом. Вокруг шныряли и клянчили еду многочисленные и разномастные коты. Их, не чинясь, подкармливали.

Девушка бесцельно прошлась по улочкам и площадям. Она окончательно уверилась, что городок ей знаком. Это тот самый – из ее постоянно повторяющегося сна. Правда, она в своем кошмаре лицезрела его всего в

течение нескольких секунд и при ярком солнце. Сейчас опустилась ночь, однако русская все равно узнавала местность. «Значит, – подумала она, – мне нужно попытаться найти дом, в котором живет тот самый человек».

Вдруг у нее появилось чувство, что за ней кто-то следит. Она резко обернулась. Нет, ничего подозрительного. Двое греков играют за столиком кафе в нарды. Двое немолодых гречанок у входа в магазинчик гортанно что-то обсуждают. Больше никого вокруг, и никто не обращает на нее ни малейшего внимания.

Она свернула на совсем уж глухую улицу, где не было ни столиков, ни открытых лавок. Почти все дома – с закрытыми ставнями. И снова возникло то же чувство – кто-то следует за ней. Она опять быстро оглянулась. Пусто. И горят уличные фонари, и совсем рядом – на площади – люди. Решительно ничего страшного, успокоила она себя. Но все равно вдруг пронеслась паническая мысль: «Никто не знает, где я, даже французы. И мобильника у меня нет. Если со мной что случится – будут ли мои спутники меня искать? Или завтра преспокойно снимутся с якоря и поплывут себе дальше?»

Один из домов показался ей смутно знакомым. Не его ли она ищет? Своим стилем он напоминал дом Димитриса и его бабушки – те же белые стены, синие ставни, синяя входная дверь. Однако это жилище оказалось куда больше, чем та лачуга, где она жила на Серифосе. Тут было два этажа, балкончик с синими перилами, на крыше – спутниковая тарелка. Девушка немного замедлила шаг, но останавливаться не стала – прошла мимо столь знакомого ей – по сну, только по сну! – строения.

Вдруг раздался вопль, и под ноги ей кто-то бросился. Сердце заколотилось. Но то оказался всего лишь кот – черный боевой котяра, решивший перебежать дорогу.

Улица скоро закончилась тупиком – белой глухой стеной в человеческий рост. Девушка развернулась и отправилась в обратный путь. «Что я ищу? – спросила она себя. – Что я хочу найти? Неужели и вправду подлеца из моего сна? Но, даже если он существует в реальности… Даже если вдруг встретится мне… Что я ему скажу? И неужто он откроет передо мной свои карты?»

Однако когда Ассоль шла обратно и вновь проходила мимо кошмарно знакомого дома, она непроизвольно замедлила шаги и даже попыталась заглянуть в

щелочку ставен.

И когда она, на самой малой скорости, следовала мимо запертой входной двери, то вдруг услышала сзади легкий, вкрадчивый шум – и не успела обернуться, как цепкая рука захватила ее за горло, слегка сдавила и потащила куда-то…

* * *

Иван Тарабрин, атташе российского посольства в Греции, как и все сотрудники диппредставительства, получил ориентировку и фотографию русской девушки, пропавшей где-то в Эгейском море. Однако беда заключалась в том, что поиски девчонки, разумеется, не входили в круг его непосредственных обязанностей – а их, этих обязанностей, видит бог, и без пропавшей у него было выше крыши. Вторая проблема состояла в том, что Иван не очень хорошо видел вдаль без очков – особенно в сумерках. И когда он ужинал в таверне в крошечном порту Каравастасис, особа, сидящая за соседним столиком в компании двух парней и еще одной девушки, показалась ему смутно знакомой. Но выглядели все четверо как французы, притом говорили по-английски, а сама барышня смотрелась типичной европейской туристкой: загорелой буржуазкой, веселой и довольной жизнью. И только позже, когда компании и след простыл и Тарабрин спешил на последний паром, отправляющийся на Санторини, до него вдруг дошло, что незнакомка за соседним столом – точь-в-точь та девчонка, разыскать которую неделю назад его просил, в порядке личного одолжения, резидент…

* * *

Она очнулась в большой комнате без окон под потоком яркого света, льющегося из лампы прямо ей в лицо. Она попыталась пошевелиться, но – о, нет! – руки ее оказались привязаны к рукоятям кресла. Девушка инстинктивно зажмурила глаза, однако успела разглядеть темный силуэт мужчины, сидящего в кресле напротив нее.

Мужчина тихо спросил – спросил по-русски:

– Что ты здесь делаешь, Таня?

Таня! Итак, она звалась Татьяной?! Или, может быть, этот мужчина знал ее как Татьяну? А ее настоящее имя – другое? Сейчас она ни в чем не была уверена.

– Я искала вас, – заявила она твердо и добавила: – Развяжите меня. И выключите этот ужасный свет.

– Узнаю мою старую любовь, – усмехнулся мужчина. – Даже находясь в безнадежном положении, она все равно чего-то требует… Давай, моя миленькая, договоримся: если ты честно и без запирательств ответишь на мои вопросы – на все мои вопросы! – я и лампу уберу, и развяжу тебя, и вообще отпущу на все четыре стороны. Ну, а если станешь врать – пеняй на себя и пощады не жди.

Девушка вздохнула – и попыталась рассмеяться:

– Вопросы? Это не ко мне…

Смех получился жалким, но, кажется, ей все равно удалось его смутить.

– О чем ты говоришь? – пробормотал мужчина.

– Я сама мало что знаю. Вернее, не знаю почти ничего.

– Но ты же нашла меня… Только не надо говорить, Танечка, что ты здесь, на этом забытом богом островке, оказалась случайно… Кто тебе рассказал, где я нахожусь?

«Что отвечать этому русскому? Правду? Что я потеряла память и увидела сон про него и этот остров? Он решит, что я сошла с ума, и, наверно, будет прав… Думай, Таня, думай! Неожиданно и невзначай обрести собственное имя оказалось очень приятно, и обладание им придало ей уверенности в себе и дополнительные силы. Думай быстрее! Не случайно ведь я видела тот кошмар… И вначале, в самый первый раз, мне казалось, что мне его демонстрировали то ли на экране телевизора, то ли на мониторе ноутбука… Значит, мне и вправду кто-то специально показывал

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Традиционный мягкий греческий сыр.

2

Ты сам вымоешь эту тарелку! С хлоркой! (англ.)

3

Да ладно вам! Джек – мой друг, и он почище иных людей! (англ.)

4

Якорь (англ.).

5

Кафе-кондитерская.

6

Греческая анисовая водка.

7

Лоция – руководство для судоплавания, содержащее описание водных бассейнов, характеристику рельефа дна, опасностей на водных путях и пр. Лоции, предназначенные для яхтсменов, зачастую содержат также сведения, характерные для обычных путеводителей.

8

«Это настоящий край света!»

Купить: https://tellnovel.com/ru/litvinovy_anna-i-sergey/devushka-bez-bonda

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить